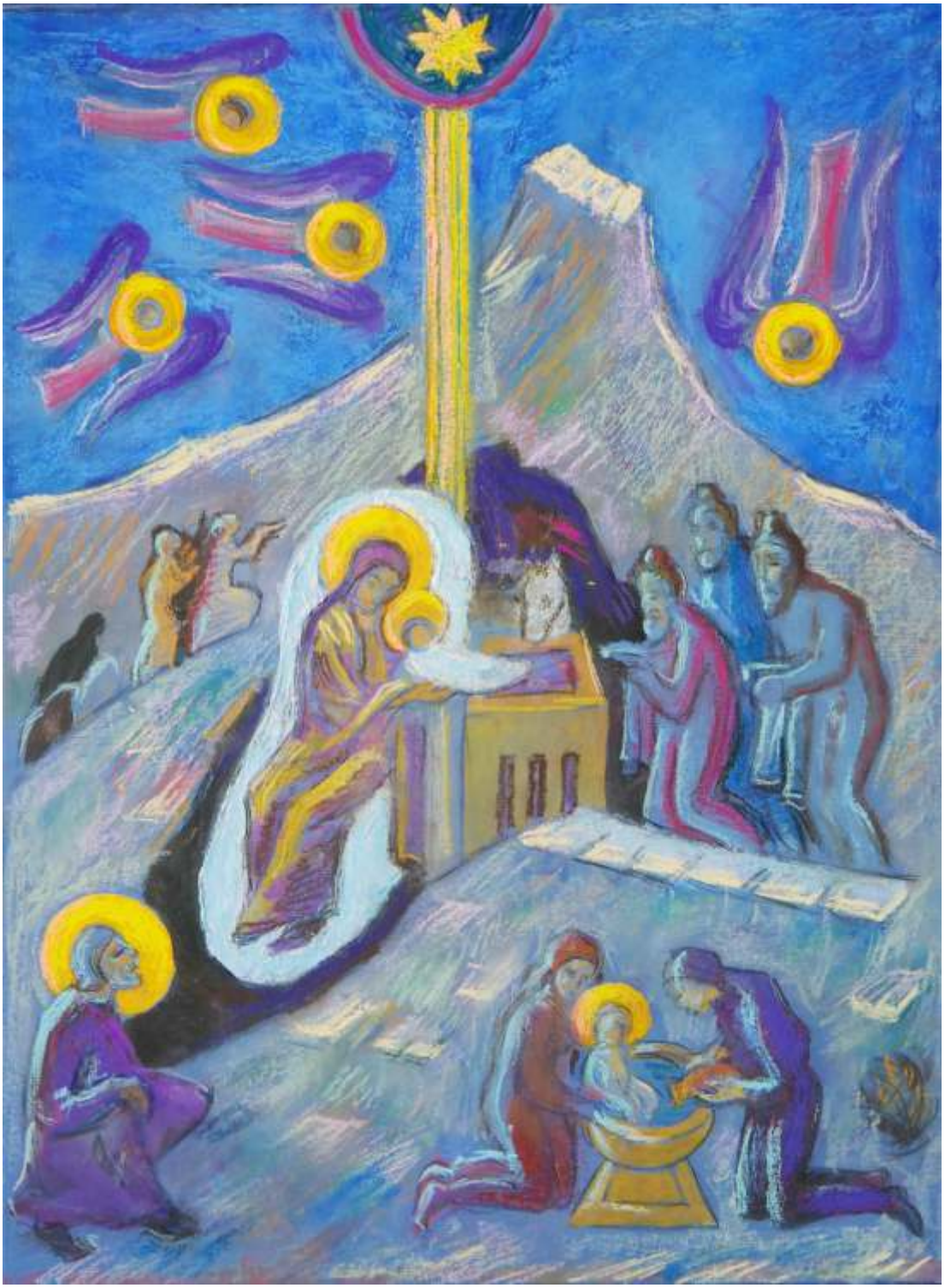
Культура Алтайского края

№ 4 | декабрь | 2017



Илзе Рудзите. ***25 декабря.*** *2017*

стр. **24**

«У Илзе Рудзите есть мощная духовная составляющая, внутренняя скрепа, соотносящаяся с именем и творчеством Николая Рериха (приезд на Алтай был инспирирован авторитетом мастера). С годами духовное начало все откровеннее будет соотноситься с религиозными ориентирами: героями полотен станут Сергий Радонежский и Франциск Ассизский, Иисус Христос и Будда».

Дмитрий Золотарёв

В номере:

СЛОВО

2 *Антон Афанасьев.*
Рабочие записи Шукшина

4 **Книжный инстинкт.**
Рецензии на сборники «Диалоги о Шукшине», «Воспоминания о Шукшине»; книги *Владимира Коржова* «А память священна...», *Марии Криксуновой* «100 рифмованных мыслей»; детскую антологию «Алтайские писатели — детям». Авторы: *Дмитрий Марьин, Константин Гришин, Татьяна Берглизова*

8 *Татьяна Богумил.*
Проза наших дней

стр. 4

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

12 *Елена Дариус.*
Земля и люди

14, 24 **Выставки. Избранное**
Авторы: *Оксана Сидорова, Евгения Школина, Дмитрий Золотарёв, Сергей Чикильдик*

20 *Любовь Шамина.*
Первые встречи

стр. 32

КОВЧЕГ

32 *Галина Батюк.*
Отец Михаил и все мы

НАСЛЕДИЕ

35 *Евгений Платунов.*
Где покоится «Самодержец Вдохновения»?

КИНО

38 *Вера Уразова.*
Индустрия или искусство?

40 *Павел Фокин.*
Искус кино

ТЕАТР

42 *Елена Огнева.*
Театральная революция небанального художника

46 *Лариса Вигандт.*
Работа на сердце

48 *Елена Кожевникова.*
Игра в куклы

стр. 48

стр. 38

ЛИТОТДЕЛ

50 *Ирина Гришина.*
Друг из Каменска-Уральского. Быль

52 *Владимир Коржов.*
Тальниковый мой край

54 *Владимир Коржов.*
За чаем с Дворцовым

56 *Екатерина Мергасова.*
Стихи

КУЛЬТУРА АЛТАЙСКОГО КРАЯ 12+

№ 4 (28), декабрь 2017
(журнал выходит поквартально)

Учредитель журнала:
Краевое государственное бюджетное учреждение «Алтайская краевая универсальная научная библиотека имени В.Я. Шишкова».
Выпускается при поддержке Правительства Алтайского края и управления по культуре и архивному делу

Адрес редакции и издателя:
656038, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Молодежная, д. 5
тел.: (3852) 36-39-37
e-mail: ak.culture@mail.ru

Редакционный совет:
Безрукова Е.Е.
(председатель совета)
Быков И.А.
Вигандт Л.А.
(главный редактор)
Замятина Г.А.
Ковалёв О.А.
Марьин Д.В.
Огнева Е.В.
Царёва Н.С.

Дизайн-макет — Алексей Шелепов

Дизайн, верстка — Карпов А.А.
Корректор — Сигарева М.В.

На первой странице обложки:
Людмила Рублёва.
Алтайская мадонна. 1991. Дерево, резьба. Собственность ГХМАК

Адрес типографии:
ООО «Технопринт»
650070, г. Кемерово
ул. Тухачевского, 31г, офис 6
тел.: (3842) 35-21-35
e-mail: fsp-antom@yandex.ru

Издание зарегистрировано в управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Алтайскому краю и Республике Алтай

Свидетельство о регистрации:
ПИ №ТУ22 — 00560
От 18 июня 2015 года

Тираж:
2000 экземпляров
Дата выхода в свет:
22.12.2017

Журнал распространяется бесплатно
Мнение редакции может не совпадать с мнением автора

РАБОЧИЕ ЗАПИСИ ШУКШИНА

Опыт прочтения

текст ***Антон Афанасьев***

Разбросанные по рукописям, по полям черновых тетрадей быстрые заметки мыслей собирались бережно издателями В.М. Шукшина, печатались, и вот в девятитомном собрании сочинений, выпущенном в 2014 году в Барнауле, составились, может быть, в окончательном своем виде. Их 142.

Хорошее дело сделали земляки: девятитомное собрание — не шутка, да еще как следует комментированное. Тома солидные, тяжеловатые.

Итак, «Рабочие записи». Название такое дано, конечно же, издателями. Здесь и афоризмы, и наблюдения, автобиографические заметки и наметки направлений мышления. Мыслить — это искусство.

Шукшина все знают, в основном, как мастера рассказов, кинорежиссера, актера. А тут, в этих записях, он философствует.

«Когда человек быстро с тобой согласился, значит: или он очень слаб, или очень силен» — классический афоризм; здесь присутствует все: внезапность, глубина и точность психологического наблюдения, емкость слова.

«Самые наблюдательные люди — дети. Потом — художники».

«Нет, литература — это все же жизнь души человеческой, никак не идеи, не соображения даже самого высокого нравственного порядка».

«Пробовать писать должны тысячи, чтобы один стал писателем».

И еще, и еще. Но все это нужно читать!

Есть у Шукшина и признания, например, такое: «Не могу жить в деревне. Но бывать там люблю — сердце обжигает».

Эта тема его мучила, конечно. Чувствовал он какую-то неловкость перед земляками (о чем не раз и говорил, и писал). Как-то ему все казалось, что он в чем-то виноват (что уехал за счастьем в город, оставив село). Но мы знаем теперь, что он прав был, уезжая: много красоты принес он в мир.

Вообще, Шукшин выступает здесь, в «Рабочих записях», знатоком анализа. И это у него так — в письмах, в статьях, в интервью. Анализ у него — как постоянная нота, доминанта. Хотя в рассказах, например, он этого явно не показывает. Ну да это так и нужно — в рассказах.

Вот о писательстве:

«Сюжет? Это — характер. Будет одна и та же ситуация, но будут действовать два разных человека, будет два разных рассказа — один про одно, второй совсем-совсем про другое».

А вот — похожее на открытие:

«Форма?.. Форма — она и есть форма: можно отлить золотую штуку, а можно — в ней же — остудить холодец. Не в форме дело».

Простая, по-новому выраженная (а значит, и понятая) мысль:

«Говорят, когда хотят похвалить: "Писатель знает жизнь". Господи, да кто же ее не знает! Ее все знают. Все знают, и потому различают писателей — плохих и хороших. Но только потому: талантлив и менее талантлив. Или вовсе — бездарь. А не потому, что он жизни не знает. Все знают».

Есть и лирика, и все же — анализ:

«Вот — ласточки: стремительный, капризный лет — играют? Они работают: ловят мошек, которые тоже, наверно, умеют увернуться. А мы — про людей, которые протирают штаны в креслах — работают! Кто?!!»

И здесь, думаю, надо начать о том Шукшине, который изболелся душой (а надрывался — сердцем). Он пишет в одном из поздних писем Белову (письме отчаянном): «...а болит ли у тебя внутри тоже — как у меня?» И вот из этой-то боли, по-видимому, и слагается в полном смысле слова человек. И такой человек стремится к правде.

«Непонятные, дикие, странные причины побуждают людей скрывать правду... И тем-то дороже они, люди, роднее, когда не притворяются, не выдумывают себя, не уползают от правды в сторону, не изворачиваются всю жизнь. Меня такие восхищают. Радуют».

И следом:

«Ложь, ложь, ложь... Ложь — во спасение, ложь — во искупление вины, ложь — достижение цели, ложь — карьера, благополучие,

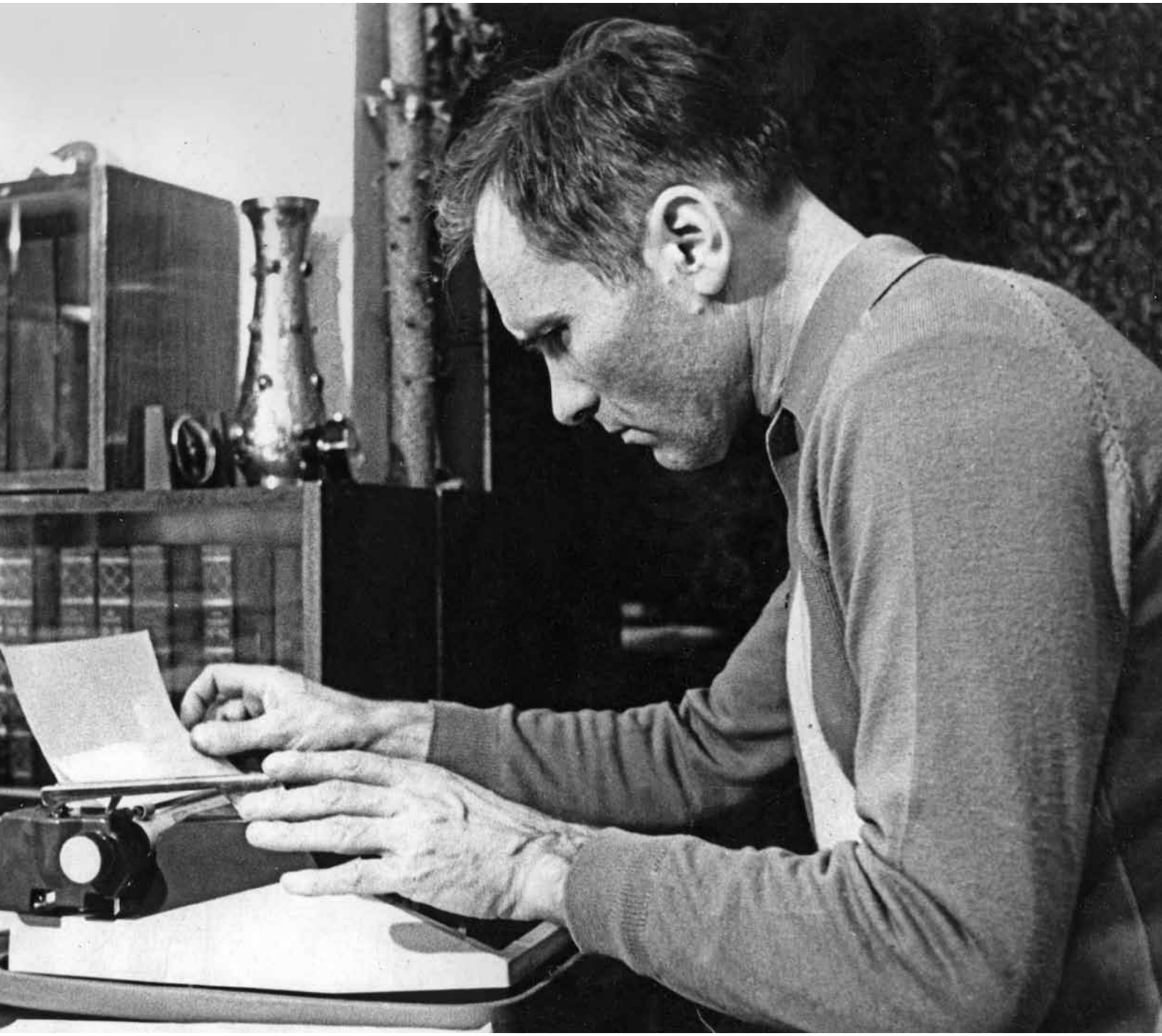


*Фото **Анатолия Ковтуна.** Предоставлено ГМИЛИКА*

ордена, квартира... Ложь! Вся Россия покрылась ложью, как коростой».

Это уже строки человека, словно бы окруженного вражеским. Верчение меча вокруг. В таком деле, укрепившись на своем рубеже, наверное, каждый человек одиноко говорит. Но почему так сложилось, и не лучше ли — наоборот?

Но он не одинок.

«Разлад на Руси, большой разлад. Сердцем чую».

И: «Родина — это серьезно».

И это не просто слова.

Вообще, по силе постижения образа болящей Родины, по страстности, с которой берегут этот образ где-то в сердце, в самой середке сердца — Шукшину под стать, может быть, только Рубцов, в котором тоже было, ой, сколько боли за Родину. И Рубцов, мне думается, мог бы поставить подпись под следующим восклицанием Шукшина:

«Черт же возьми! — в родной стране, как на чужбине».

И все же народная любовь к Шукшину огромна! Здесь можно бы поставить точку, но хочется еще добавить, что Шукшин выступает в «Рабочих записях» художником, даровитым именно на мысли. А просто так, не из чего, не думается.

Вот теперь — точка.

ДИАЛОГИ О ШУКШИНЕ: материалы первой международной научно-исследовательской конференции

Москва, 2017

Несмотря на «московскую прописку» в выходных данных книги, этот сборник физически рожден в барнаульской типографии — это еще одна причина подвергнуть его критической оценке в журнале о культуре Алтайского края. Есть и другие причины: имя Василия Шукшина, конечно, всегда будет привлекать внимание жителя Алтая. Кроме того, в числе авторов сборника отметились и барнаульские филологи-шукшиноведы.

Перед нами сборник материалов первой международной научно-исследовательской конференции «Диалоги о Шукшине», организованной Фондом возрождения национального культурного наследия им. В.М. Шукшина «Формула успеха» и прошедшей в Санкт-Петербурге 7 декабря 2016 года. Легко вообразить: сейчас те, кто хоть раз в жизни держал в руках и пытался прочитать сборник трудов какой-либо научно-исследовательской конференции, поморщатся и скривят недовольно губы. Редкий ждун прочитал насквозь, от корки до корки хоть одну подобную книгу! «Братские могилы» — так частенько называют коллективные сборники научных статей, публицистических работ, рассказов, стихотворений. Но поверьте, на этот раз ожидания вас обманули.

Кроме статей явно академической направленности филологов Анны Разуваловой (Спб.), Владимира Елистратова (Москва), Светланы Адоньевой (Спб.), Владимира Васильева (Красноярск), Александра Куляпина (Барнаул), в сборнике читатель найдет и материалы, осмысливающие совсем неакадемический опыт изучения творческого наследия Шукшина писателями и журналистами, театроведом, переводчиком, кинокритиками и искусствоведами. Состав соавторов расширен за счет знаковых фигур современной российской культуры, хотя и не принимавших очного участия в конференции, но имевших желание поделиться своими наблюдениями и впечатлениями относительно шукшинского кино, литературных произведений, реверберации творчества писателя в русской и мировой культуре XX — начала XXI века. И здесь отметился Дмитрий Быков с эссе «Упорный Дикой: Василий Шукшин и Василий Аксенов»: живой и остроумный анализ рассказов двух популярных писателей 1960 годов.

Если говорить о личных предпочтениях, то автора этой статьи больше всего заинтересовала статья под названием «Деревня: стигматы сословия» петербургского филолога, антрополога и фольклориста Светланы Адоньевой. Тема статьи, казалось бы, не имеет прямого отношения к творчеству Василия Шукшина. Даже имя его упоминается в статье лишь несколько раз. Но, прочитав статью, понимаешь, что это — в точку, это — по сути, поскольку автор пытается проникнуть в крестьянскую душу Шукшина, объяснить истоки его творчества сломом традиционного патриархального уклада русского крестьянства. На материале фотодокументов и крестьянских дневников, многолетних наблюдений за жизнью крестьян Русского Севера питерский антрополог показывает, как в 1930–1940 годы патрилокальная конструкция семьи становится матрилокальной, как дети, которым советской властью пророчилось светлое будущее, теряли связь с отцовским родом и, в итоге, с тем миром, который сотни лет определял менталитет и культуру русского человека. Кроме общего этнографического интереса, читатель находит в статье ключ к истолкованию шукшинского творчества. Для крестьянского сына Василия Шукшина, уехавшего в город и остро чувствовавшего отрыв от корней, осознание этой трагедии, несомненно, было одним из импульсов творчества.

Отметим хорошую полиграфию сборника и обилие качественных фотоиллюстраций, что не только делает чтение приятным, но и становится еще одним аргументом в пользу того, чтобы поместить этот сборник на книжную полку домашней библиотеки.

Дмитрий Марьин

ВОСПОМИНАНИЯ О ШУКШИНЕ

Составители: Любовь Аркус, Василий Степанов, Аглая Чечот

Москва, 2017

Эта книга вышла из-под типографского пресса барнаульского издательства «Алтайский дом печати» и, безусловно, может быть рассмотрена в качестве пары к «Диалогам о Шукшине». Однако если сборник «Диалоги о Шукшине» рассчитан скорее на профессионального исследователя-шукшиноведа, то «Воспоминания о Шукшине» адресованы более широкому кругу читателей, но, подчеркнем, читателей с достаточным культурным багажом, эстетически требовательных, знатоков кино, имеющих представление о фильмографии известных отечественных и зарубежных режиссеров XX века. Такому подготовленному читателю понравятся и альбомный формат книги, и отличная полиграфия, и обилие фотоиллюстраций, в основном, кадров из шукшинских фильмов, и композиция, и содержание книги. Иначе, если сборник «Диалоги о Шукшине» ориентирован на анализ литературного творчества Василия Макаровича, то «Воспоминания...» во главу угла ставят его кинотворчество.

Название альбома отчасти вводит в заблуждение. У поклонников творчества Василия Макаровича, конечно, на слуху сборник воспоминаний «О Шукшине: экран и жизнь», вышедший еще в 1979 году в издательстве «Искусство». В той книге, действительно,

собраны воспоминания людей, которые лично знали Шукшина, работали с ним. Иных уж нет, а те далече... Но такие книги не устаревают!

В новом же альбоме, собственно, воспоминаниям о Шукшине уделена лишь первая, совсем небольшая по объему часть, куда и вошли, главным образом, выбранные места, да еще и в сокращении, из сборника 1979 года, плюс отрывки из хорошо известных интервью Шукшина. Нужно ли было это делать? Для знатока шукшинского творчества такой подход будет информативно пустым. Для неофита, для того, кто только начинает познавать кино и литературные произведения Шукшина, наверное, вариант приемлем. Вместе с тем важно понимать, что подборка, выборка, принцип хрестоматии никогда не дают цельного, объективного представления о феномене. А Шукшин — феномен сложный, живший и творивший в переломное, неоднозначное время. Здесь один-два полных текста мемуаров, со всеми главными и второстепенными деталями, просвещают больше, чем десяток отрывков. В последнее время появилось несколько новых текстов о Шукшине его коллег и товарищей, в свое время не «засветившихся». Назову навскидку воспоминания Юлия Файта, кинорежиссера и одногруппника Василия Макаровича по ВГИКу, или Ларисы Ягунковой, известного киноведа, сотрудника журнала «Искусство кино». В них много интересных и новых деталей о жизни Шукшина, которые могут быть известны пока далеко не всем читателям.

В остальном логика составителей альбома-сборника Любови Аркус, Василия Степанова и Аглаи Чечот, кинокритиков журнала «Сеанс», прослеживается четко. В общем, иногда кажется, что перед нами спецвыпуск «Сеанса» в твердом переплете. В разделе «Фильмы» даны шесть очерков молодых кинокритиков о режиссерских работах Шукшина, в ряде случаев сопровождаемых отрывками из прижизненных рецензий. Современная критика кинокартин пятидесятилетней давности — свежий взгляд на знакомые фильмы. Здесь свои акценты, необычные углы обзора, современный, журнальный язык кинокритики, принципиальное дистанцирование от академизма, доказывающие, что кино Шукшина актуально и сегодня. Так, «Печки-лавочки» — это «road-movie» (англ., буквально «дорожное кино»; фильм-путешествие, герои которого находятся в дороге), «рассказывающее о путешествии в рай, проездом через Вавилон, супружеской пары святых из алтайской деревни»! (С. 133.) «Изрядно сказано!», как говорили во времена Пушкина, но ведь — по сути-то точно!

Раздел «Opus magnum», как следует из названия, посвящен главному делу всей жизни Шукшина — подготовке к съемкам фильма о Степане Разине. Стержень раздела — очерк Алексея Варламова «Шукшин разящий» об истории шукшинского «разиноведения». В дополнение к нему прилагаются архивные материалы РГАЛИ: отзывы кинокритиков и историков о сценарии фильма о Разине, предложенном Шукшиным киностудии им. Горького в 1967 году.

Самыми интересными и дающими новый взгляд на творчество Шукшина представляются три последних раздела. «Сближения» — о параллелях творчества Шукшина и известных кинорежиссеров XX века: Тарковского, Фасбиндера, элементах документалистики в шукшинском кино, его интересе к театру.

В разделах «Деталь» и «Части речи» присутствует культурологический, семиотический анализ элементов художественного мира Шукшина. Черные очки, женщина, праздник, воля и т.п. — какую роль играли эти образы, понятия, вещи и явления в художественном пространстве писателя и кинорежиссера? Какова их семиотика и особенности воплощения на экране и в литературе? Смелый взгляд молодых критиков и исследователей заслуживает вдумчивого, а временами, если хотите, дискуссионного чтения. В любом случае это тренд и в академическом шукшиноведении XXI века.

Итак, перед нами взгляд на творчество Василия Шукшина из XXI века. Взгляд молодой, острый, обращенный на детали и моменты, которым современная писателю и кинорежиссеру критика внимания по разным причинам не уделила. Книга и обращена больше к молодым, старается заинтересовать Шукшиным новые поколения, встроить шукшинский мир в современную глобальную цифровую среду. Решительно рекомендую этот альбом-сборник как любителям творчества Шукшина, так и шукшиноведам: каждый найдет здесь интересное и полезное для себя.

Дмитрий Марьин

Владимир Коржов

А ПАМЯТЬ СВЯЩЕННА...

Барнаул, 2017

Иногда желание выпустить книгу — как самоцель — побеждает логику и здравый смысл составителя, и в ход идут милые натяжки. Владимир Коржов хотел издать свои воспоминания, действительно интересные, но понимал, что недобирает по объему. Поэтому в книге есть довесок — очерки об исторических личностях: Спасском, Потанине, Порфирии Казанском и других. Это газетная поденщина, которую пишут с помощью «Википедии», конторского клея и ножниц. Отсюда трогательные ссылки на «год литературы», «250-летие со дня рождения такого-то». Что хорошо в юбилейной передовице, портит ценную книгу и никак не связано с основным текстом. Ядро действительно прекрасно. Коржов опубликовал воспоминания о друзьях-писателях 1960-х — Яненко, Капустине, о тех, на кого он смотрел снизу вверх: Юдалевиче,

Свинцове, Гущине, Глазкове. К достоинствам мемуарных очерков следует отнести ненавязчивость. Автор верно и честно понимает свою задачу — пишет то, что действительно запомнил, а не услышал от третьих лиц. Поэтому записки его лаконичны и подтверждают нехитрую истину: наша память избирательна, как урна. И честность в том и состоит, чтобы не писать лишнего.

Коржов как мемуарист предельно щепетилен и этичен. Вспоминает, как говорится, только хорошее. Те, кого барнаульская молва называла маргиналами, предстают у него такими крапивинскими мальчиками — трогательными, чистыми, ищущими. Впрочем, и тут мемуарист не лукавит — он описывает юность героев. Литературные функционеры у него мудры и тактичны, партийные чиновники — хамоваты и дубоваты, девушки — чисты, Барнаул подернут романтической дымкой. Ничей вкус не оскорбят эти очерки, а два-три новых штриха к портрету умерших добавят. Именно поэтому Коржов романтик, Дон Кихот — он ведь говорит нам в титуле: «А память священна...» Романтик, потому что плетью обуха не перешибешь, течение безжалостной Леты не остановишь. Но это хотя бы честная битва, благородная и без подтасовок. Маленький, но весомый вклад в историю региональной словесности.

Иногда, повторюсь, текст портят газетные вставки: «Игорь Михайлович Пантюхов награжден медалями «За освоение целинных и залежных земель», «За доблестный труд». В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина удостоен нагрудного знака ЦК ВЛКСМ и ВЦСПС «Наставник молодежи». Является лауреатом премии Ленинского комсомола...» Культурному человеку эти подробности, каталог азиатских цацек попросту неинтересен, и даже характеризует героев негативно, пародийно. Но Коржов человек эпохи, и такие тонкости не чувствует. Куда более трогают другие строки мемуариста:

«Чудится мне — мама меня обнимает
Левой рукой
А правую я не видал
Никогда.

(Борис Капустин)

А я никогда не видел у отца левую ногу. Мой отец, как и Мария Францевна, вернулся с войны инвалидом». Тут деталь, вроде чеховского бутылочного горлышка, — она заменяет тома о войне.

Что в итоге? Владимиру Коржову стоит написать полноценную книгу — в манере «Воспоминаний», а не газетных очерков. Продолжить начатое. Это будет подарок краеведам и историкам.

Константин Гришин

Мария Криксунова

100 РИФМОВАННЫХ МЫСЛЕЙ

Барнаул, 2018

Книга Криксуновой — обещание, некая демонстрация поэтических мускулов. Главные победы у нее впереди, но и дебют выдает человека высокой поэтической культуры, трудолюбивого и дотошного — за красотой и удачей движений автора интересно следить.

Марии нравится делать стихи как пастиш известных строк, мотивов, расхожих речений, обыгрывать их и синтезировать дополнительные смыслы:

Ночной небосвод исчерченный
Закроют собой облака.
Инцидент, как известно, исперченный,
Исчерпан наверняка.

<...>

Расскажи, что любовь не рассеяна,
Что, как прежде, я чтима тобой...
Знаешь, лучшее у Есенина —
«Заметался пожар голубой...»

Процитировать в одном тексте стихи Маяковского и Есенина — заклятых врагов — в этом есть особый шик, высокая небрезгливость (синоним постмодернизма).

Вот она вышивает по канве Мандельштама, а вот — Высоцкого:

Я не люблю страстей, как жар горячих,
Ведь чувства не тождественны углю.
Людей вокруг — холодных и незрячих —
Хоть что мне говорите, не люблю!

Это не так уж мало, для правильного усвоения чужого нужен большой вкус и большой талант. Собственные наработки Марии проявляются скорее в любовной лирике с ясным адресатом:

Я врываюсь к тебе, но твоё пространство
Закрывает границы дверным замком.
Я забыла, что значит быть иностранцем,
Если ты гражданин. Но таков закон:
Ты не выписал пропуск, не внёс в реестры,
И впустить меня страшно: а если я
Растревожу твой мир, и мой шум оркестра
Станет громче мелодии бытия?

Иногда в стихах мелькают имена актуальных режиссеров, писателей, отсылки к утренней сводке новостей. Так тексты становятся историческим источником, но тем быстрее устаревают — пользователь через три года не поймет, о чем речь. Но и это — легкая, нестрашная болезнь авторского роста. Писатель учится строже вглядываться в себя, обретает духовный опыт — и у него пропадает желание рифмовать очередной «Шантарам».

Константин Гришин

Алтайские писатели — детям

В 2 томах

Барнаул, 2017

Дети становятся читателями на коленях своих родителей.
Эмили Бухвальд

К 80-летию Алтайского края в рамках губернаторского издательского проекта выпущена двухтомная детская антология «Алтайские писатели — детям». Эти книги увидели свет благодаря финансовой поддержке Правительства Алтайского края. Но идея создания антологии принадлежит Татьяне Николаевне Кушвид, бывшему директору Алтайской краевой детской библиотеки им. Н.К. Крупской.

«Алтайские писатели — детям» — долгожданное издание, подготовка к печати которого велась почти два года. Задолго до яркой презентации, прошедшей 9 ноября 2017 года в здании Алтайского государственного театра кукол «Сказка», двухтомник, объединивший произведения 43 алтайских писателей, был назван уникальным.

Действительно, в нашем крае еще не случалось такого масштабного детского проекта, основанного исключительно на материале местных авторов. Это при том, что напечатать смогли лишь тех, кого (самого писателя или его правонаследников) удалось отыскать для получения согласия. В антологию вошли стихи, сказки, повести и рассказы Владимира Башунова, Роберта Рождественского, Леонида Мерзликина, Валентины Новичихиной, Вильяма Озолина, Игоря Пантюхова, Владимира Свинцова, Виктора Сидорова, Марка Юдалевича и других писателей — известных и любимых многими поколениями читателей, а также произведения современных талантливых авторов, пишущих для детей.

Как подчеркнула Людмила Санкина, директор Алтайской краевой детской библиотеки им. Н.К. Крупской, это издание формировалось по принципу: печатаем то, что интересно читать. Интересно, когда ты еще мал. Интересно, когда ты уже не ребенок и мнишь себя взрослым, хотя таковым еще не являешься. Интересно и тогда, когда ты читаешь это сидящим на коленях детям или даже внукам. Помню, как детьми и подростками мы зачитывались «Мальчишечьими тайнами» Квина, «Мишкой-мореходом» Пантюхова, «Рассказами о Данилке» Соболева, повестью Виктора Сидорова «Федька Сыч теряет кличку». Последние переиздания этих книг относятся к концу прошлого века. Читая двухтомник, я вновь втянулась в водоворот тех событий, переживая их по-новому. Удивительная все-таки вещь — хорошая книга, она, как говорил немецкий публицист Георг Лихтенберг, «нравится тем больше, чем человек становится старше».

Научный редактор антологии, кандидат филологических наук, профессор Эмилия Петровна Хомич в своем выступлении на презентации отметила то, что вся наша детская литература невероятно патриотична! Причем патриотична подспудно, не впрямую, не в лоб, несмотря на идеологические установки того времени, когда писалось то или иное произведение. Их высокий художественный уровень давно проверен временем. Все они служат гуманным идеям. Именно в этом заключается сила литературы для детей.

Книги выполнены качественно, красочно, выглядят, как подарочные издания. Их очень приятно держать в руках, листать и читать. Правильно написано в аннотации, что эта книга для детей, школьников и их родителей. Планирую приобрести ее для своих внучек.

Татьяна Берглизова

Проза наших дней

Статью литературоведа, преподавателя педуниверситета Татьяны Богумил об известных писателях Алтая редакция дает в значительном сокращении. В нашей публикации отсутствует раздел о поэтах и существенны изъятия из глав, представляющих прозаиков, краеведов и критиков. Но даже сжатый вариант, думается, способен вызвать интерес и дискуссию в литературной среде

текст ***Татьяна Богумил***

С какого момента начинается современная русская литература? Большинство исследователей склоняется к тому, что отсчет следует вести с «перестройки» — 1986–1990 годов. «Гласность», отмена политической цензуры резко активизировали литературную жизнь России. В очень короткие сроки стал доступен огромный корпус произведений, ранее запрещенных в СССР: русских классиков XX века и писателей периода «оттепели» («задержанная» литература); русской эмиграции («возвращенная» литература); авторов-экспериментаторов («андеграунд»).

КРУЖКИ И ОБЪЕДИНЕНИЯ

В литературе Алтая происходили процессы, аналогичные общерусской литературной динамике. Так, в августе 1992 года поэт Валерий Тихонов на общественных началах основал проект «Авторский альманах “Август”» (позднее — одноименная книжная серия, затем — литературный фонд с несколькими книжными сериями). Целью издания была публикация незаслуженно забытых, нарочито не замечаемых и молодых поэтов. Первая книга содержала стихотворения ныне известного на всю страну поэта-метаметафориста, нашего земляка Александра Ерёменко. В «Августе» были опубликованы произведения и другого метареалиста, выходца с Алтая, Ивана Жданова. Едва ли не впервые за долгие десятилетия был опубликован известный в начале XX века поэт-имажинист, окончивший свои дни в Барнауле, Вадим Шершеневич. На страницах «Августа» напечатаны тексты неформатных для Союза писателей авторов: Станислава Яненко, Бориса Капустина. Первые два года существования альманаха выходило по шесть книжек, в 1995, 1996 годах — по четыре, далее — нерегулярно. Тиражи, изначально пятитысячные, стали трехтысячными, затем — тысячными. На сегодня вышло в свет около 50 книжек.

К концу 1980 годов в Барнауле появились несколько неформальных литературных объединений: «Город» (Леонид Ревякин, Фарида Габдраупова, Наталья Николенкова, Виталий Коньшин, Виолетта Метелица и др.), «ГРИАДКа» (Михаил Гундарин, Вячеслав Десятов, Ихтиандр Обмокни), Театр духовной поэзии и музыки «Свет» (Евгений Борщёв, Сергей Болычев, Наталья Зима, Елена Ожич и др.), группы вокруг литературно-художественного альманаха «Графика» (Вадим Климов, Юрий Эсауленко, Алексей Чеканов, В. Басенко и др.), литературного альманаха «Ликбез» (Вячеслав Корнев, Сергей Липов, Сергей Лёвин). Ярким явлением этого времени стало Неформальное литературное объединение Эпицентр Российского Авангарда (НЛО ЭРА), просуществовавшее с 1988 по 1990 годы. Пиком деятельности ЭРЫ стало «венчание» приехавшего на Алтай Андрея Вознесенского на «папство» российского авангарда. Польщенный поэт ответил стихотворением «Барнаульская булла».

В статье «Авангардисты (истинная история литобъединения ЭРА)» основатель и теоретик группы Владимир Токмаков обосновал ее распад тем, что «уходила такая прекрасная и такая короткая горбачевская эпоха Радостного Ожидания». Необходимость выживать в условиях экономического спада 1990-х сломала многих.

Осмысляя «перестройку», поэт Валерий Котеленец обозначил главную проблему своего поколения: «Мы как-то оказались между двух главных временных пластов: между советской эпохой и новым временем. В советской эпохе мы были чужаками, и в переходный период не вписались, это, как свой среди чужих, чужой среди своих. Пришло новое поколение, более шустрое, более энергичное и пробивное. Большинство из моего поколения так и остались неустроенными, не сделавшими карьеры. Борис Капустин, Станислав Яненко, они не вписывались ни в какие форматы и рамки. А те, кто сталкивается с жизнью лоб

в лоб, обычно погибают, потому что жизнь сильнее, она ломает и убивает».

Сходные мысли о распаде СССР возникли в прозе Михаила Гундарина («ЛМ: провинциальные хроники», 2001; «Говорит Галилей», 2013; «Анна Карнегина», 2014), Владимира Токмакова («Детдом для престарелых убийц», 2001, «Настоящее длится 9 секунд», 2005). Феномен «поколения между» в первом романе Токмакова сформулирован так: «Мы как мостик между советской эпохой и первыми годами перестройки: мы закончили школу в 1985, и нам говорили, что именно мы, новая молодая интеллигенция, станем творцами будущего нашей великой страны, нерушимого Советского Союза. Но СССР рухнул. По нам пройдут следующие, а мостик, в конце концов, обветшает — и тоже рухнет. Поэтому-то я и мои одногодки никогда не смогут искренне полюбить ваш мир, вашу жизнь, ваши ценности, люди из светлого капиталистического будущего. <…> Я по-другому понимаю, что такое дружба и любовь, честность и порядочность, доброта и искренность. Я ведь до сих пор верю и во взаимовыручку, и в сострадание, и в самопожертвование ради жизни другого. Представляете, как мне трудно сейчас жить в вашем <…> мире капитала и общества потребления?»

Несмотря на трудности, которые сопутствовали рождению новой страны и новой литературы, к настоящему времени многие писатели, указанные выше, стали признанными мастерами слова.

ТАКИЕ РАЗНЫЕ ПРОЗАИКИ

Для чего мы пишем, средние писатели?
Е.В. Скрипин

В свое время отцом русской критики В.Г. Белинским было замечено, что основной культурный слой любой «местной литературы» составляют «таланты обыкновенные». В произведениях писателей достойных, но не выдающихся, мало оригинального, зато с избытком типического и регионального (язык, быт, нравы людей, природно-исторические особенности и т.п.). Современный литературный процесс на Алтае формируют несколько художественных направлений. Наиболее стабильной оказалась классическая реалистическая традиция, что характерно для литературы Сибири в целом.

Евгений Скрипин, Сергей Боженко, Иван Жданов. 5 декабря 2013: подведение итогов конкурса журнала «Культура Алтайского края» — «Книжный инстинкт». *Фото Александра Волобуева*

Основной корпус произведений Анатолия Кирилина был написан в до- и постперестроечное время. Первая книга — сборник рассказов «Помаши мне из окна» (1984). Потом вышли сборники повестей и рассказов «Чужая игра» (1987), «Под небом апреля» (1988). Объединив три повести («Человек играющий», «Через игрока», «За Синей горой») Анатолий Кирилин создал роман «Под знаком Творца» (2003). В статье Владимира Яранцева «Родня и родина Анатолия Кирилина» высказано мнение, что ключевое слово для творчества писателя — пустота — «главный грех, порок, изъян», который стремятся избыть персонажи всех его произведений. Близкий автору герой его прозы — журналист широкого профиля Найденов — вобрал в себя многие

черты своих предшественников: «мечтательность идеалиста и силу спортсмена, жажду оседлости, чувство почвы и вечное странничество, любовь к родине и женщине <...> бесстрашие, удаль и лихость подлинного героя», — считает Яранцев. Литературовед Олег Ковалёв отмечает, что одна из важнейших тем Кирилина — человеческая нереализованность. «Жизнь проходит мимо. Напряженно ожидаемое — не происходит. Одиночество оказывается неизбывной нормой существования. Автор и герой разграничены весьма условно, необходимость вымысла как будто тяготит Анатолия Кирилина, все чаще прорываясь прямым обращением к читателю, публицистика вытесняет художественную словесность».

Напротив, божественный смысл и наполненность жизни вполне очевидны для Александра Пешкова. Критики отмечают разноплановость, искренность и мастеровитость его прозы, укорененной в бунинской традиции и произведениях «нравственников», так называл А.И. Солженицын писателей-«деревенщиков». Его произведения: повести «Таёжная вечерня» (2012), «Зелёная юрта (2015), роман «Ночные журавли» (2015), рассказ «Привал» (2015).

Проза Юлии Нифонтовой может быть классифицирована как «женская». Жанр повести «Не хочу в Нормандию!» (2013) близок к травелогу, маскирующему путевые впечатления матримониальным сюжетом. Поездка героини к потенциальному супругу и длительное проживание ее во Франции дает повод рассказать о «нас» и о «них».

Попытки писать в ином, нереалистическом ключе в литературе Алтая предпринимались многократно и не без успеха. В прозе Валерия Котеленца критика отмечала сюрреалистичность и фатализм, причудливое сочетание возвышенной мистики с острой иронией бытовой жизни. Прочитайте, к примеру, роман «Лилия долин».

В прозе Михаила Гундарина прослеживаются экзистенциальные мотивы и инерция постмодернизма (игровые заглавия, соединение интеллектуализма с шаблонами масскульта, детективная интрига, повышенная цитатность и пр.). Авантюрная повесть «Анна Карнегина» (2007, 2014), так же как и «провинциальные хроники» с многообразно трактуемым заглавием «ЛМ» (2001), посвящена «фантасмагорической эпохе начала 90-х». За вымышленным пространством проглядывает вполне узнаваемый Барнаул. Литературовед Дмитрий Марьин пишет: «Весь мир девяностых, по Гундарину, укладывается в бесконечный круговорот денег, бандитов, дельцов, грязной политики, лжи и предательства. Смирившийся с этим герой, превратившийся в финале в обыкновенного обывателя, потребителя, уставшего и потерявшего смысл жизни, умирает как Человек и как Поэт».

В последнем на сегодня романе «Говорит Галилей» (2014) Гундарин остался верным ранее избранной тематике. Это очередное высказывание о «перестройке», по словам автора, — «о том, как вместе с крушением империи происходит крушение отдельного молодого человека».

Наибольший резонанс в читательской и писательской среде вызывает проза Владимира Токмакова. Недавно переизданный роман «Детдом для престарелых убийц» в 2002 году удостоился публикации в столичном журнале «Новая Юность» и питерском издательстве «Амфора». Второй роман «Настоящее длится девять секунд» (2005) был менее успешен. Чрезмерный антиэстетизм, «жесткий реализм» ранней прозы писателя не остался

Анатолий Кирилин, Александр Пешков, Валерий Котеленец, Владимир Токмаков, Константин Гришин, Юлия Нифонтова, Михаил Гундарин. *Фото Александра Волобуева*

без комментариев критиков: «Токмаков предельно откровенен в поэзии и беспредельно — в прозе» (Р. Константинова). На настоящий момент Токмаков выпустил так называемую «барнаульскую трилогию»: «Детдом для престарелых убийц» (2001, 2017), «Сбор трюфелей накануне Конца света» (2014), «Запретная книга Белого Бурхана» (2017). Эти произведения вносят существенную лепту в неомифологию Барнаула и Алтая.

Из молодых прозаиков уместно назвать Владислава Пасечника, лауреата и победителя нескольких общероссийских литературных премий. Его историческая повесть «Модэ» (2013) опубликована московским издательством.

УВЕРЕННЫЕ КРАЕВЕДЫ

Надо быть только краеведом.
Только краеведом, граждане!
Е.В. Скрипин

Наиболее уверенно в региональном литературном поле чувствуют себя прозаики-краеведы. Не претендуя на художественные изыски, их произведения имеют неоспоримую ценность — наиболее отчетливо воплощают местное патриотическое сознание и колорит, способствуют сохранению региональной самоидентичности. В 1990 годы стало возможным обращаться к ранее закрытым для исследования темам: неоднозначность личности А.В. Колчака (Георгий Егоров, Марк Юдалевич), крестьянские мятежи против действий советской власти на Алтае (Василий Гришаев), история сталинских репрессий в отношении мирян и священнослужителей (Василий Гришаев, Георгий Егоров). Достойными продолжателями замечательных писателей краеведческой направленности — помимо упомянутых вспомним также Петра Бородкина, Ивана Кудинова, Александра Родионова — стали современные авторы. Такие как, например, Евгений Платунов, военный историк, краевед, чьи обзоры и статьи регулярно публикуют в местных литературных журналах. Или Сергей Тепляков, выбравший предметом своего внимания нетривиальный для Алтая исторический период — «Следы 1812 года. Алтайская земля в наполеоновскую эпоху и Отечественную войну. Люди, события, легенды, факты, вещи и архивы» (2013).

Олег Гармс написал путеводитель «Путешествие по Чуйскому тракту» (2009). По словам А.М. Родионова, Чуйский тракт — «не просто дорога, мосты, перевалы <...> это очеловеченное пространство», genius loci Алтая и главный герой произведения. В следующей книге, «Доктор Геблер — исследователь Алтая» (2011), известный ученый-энциклопедист представлен как гений своего времени, центростремительная сила, собирающая научный цвет нации в своем барнаульском доме. Сам Александр Родионов, писатель старшего поколения, в 2007 году издал исторический роман «Князь-раб» о первом сибирском губернаторе. Произведение отмечено несколькими престижными литературными премиями.

Константин Сомов создал книги о событиях Гражданской войны в Сибири («Про Гражданскую войну», 2008; «Год Колчака», 2012; «Одна жизнь», 2013; историческая эпопея «Усобица», 2017), о сибиряках на полях сражений Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. («Правофланговые», 2017). Прозу Сомова отличает скрупулезность в отношении исторической, географической, бытовой достоверности, приправленная должной толикой художественного вымысла. Так, рассуждения персонажей о судьбе России в ситуациях экзистенциального выбора остаются свободными от авторского диктата, оставляя читателю право на собственную оценку противоречивых событий Гражданской войны на Алтае.

Перу Сомова принадлежит книга о знаменитом космонавте, нашем земляке — «Герман Титов. Позывной “Орел”» (2015).

Анатолий Муравлёв — автор серии «Неизвестный Алтай». Каждая книга серии представляет собой цикл документальных очерков, объединенных краеведческой темой: выдающиеся земляки, местные «чудаки», природные и техногенные аномалии, Алтай в годы ВОВ (фронтовики, труженики тыла, репрессии), Алтай и космос, нереализованные проекты нашего региона (города-призраки, квазигосударства, Барнаульский Кремль, Сад-город, Правобережный район, Кедроград, КамАЗ, каналы, атомные и гидроэлектростанции, металлургические и нефтеперерабатывающие заводы и пр.). В 2015 А.С. Муравлёв издал литературную биографию нашего легендарного земляка Михаила Калашникова.

Отец и сын, Сергей Фёдорович и Антон Ужакины, написали книгу «Город на песках» (2013). Подобно книге Владимира Коржова «Повествование о городских окраинах» (2003) и сборнику «Барнаул в воспоминаниях старожилов» (2005), это проза о городе, увиденном сквозь призму личных впечатлений.

ПИСАТЕЛИ ЖДУТ КРИТИКИ

Критик смотрит на литературу изнутри.
Филолог — с ближайшей колокольни.
С.Д. Довлатов

На протяжении долгих лет писатели Алтая сетовали на отсутствие критики в литературном процессе, они рецензировали произведения друг друга самостоятельно (и зачастую тенденциозно). Последние десятилетия в качестве рецензентов регулярно проявляют себя поэты и прозаики: Михаил Гундарин, Дмитрий Латышев, Владимир Токмаков, Иван Образцов, Владислав Пасечник и другие авторы, в том числе многочисленные анонимы, спрятавшиеся под масками. Периодически амплуа критиков примеряют на себя литературоведы Эмилия Хомич, Олег Ковалёв, Дмитрий Марьин, Сергей Мансков и другие, в их работах всегда высок аналитический уровень. Собственно критической деятельностью прославился поэт Константин Гришин. Филологическое образование, литературное чутье и вкус, приметный стиль сделали его тексты явлением художественной словесности. В 2014 году Гришин собрал свои критические работы в книгу «Для внутреннего пользования», попутно раскрыв несколько своих псевдонимов.

В 2014 году вышла книга Евгения Скрипина «Барнаульские поэты без иллюзий», вызвавшая бурную реакцию в писательской среде: от восторгов до резкого отмежевания. Пожалуй, это лучшая на настоящий момент книга о барнаульских поэтах, соединяющая в себе мемуары, критику и, отчасти, историю литературы.

Безусловно, можно констатировать, что литературная жизнь на Алтае не просто наличествует, но и весьма результативно себя проявляет на российском уровне. Конечно, в пределах этого обзора упомянуты далеко не все писатели, вполне того достойные. Время покажет, кто войдет в золотой фонд литературы края и, возможно, страны, а кто будет важен только для историков региональной литературы.

Виктор Зотеев. ***Уборка хлеба. Поля Тогульские.*** *1987. Холст, масло. 69х120,5. Собственность ГХМАК*

Земля и люди

Выставка «Алтай: земля и люди», открывшаяся в Государственном художественном музее Алтайского края в октябре, посвящена 80-летию Алтайского края и Году экологии в России.

текст ***Елена Дариус***

Экспозиция подготовлена музеем совместно с кафедрой экологии, биохимии и биотехнологии Алтайского государственного университета в рамках выставочно-просветительского трансмузейного проекта «Образ земли в материальной и художественной культуре России». Его цель — всестороннее рассмотрение, освещение и популяризация различных вопросов, связанных с темой земли, как в художественном, так и в научном аспектах ее осмысления. Это попытка вызвать в обществе отклик на проблемы охраны почв.

Основу экспозиции составили произведения российских и алтайских художников из собрания ГХМАК: народного художника России Михаила Будкеева, заслуженных художников России Геннадия Борунова, Майи Ковешниковой, Андрея Вагина, живописцев Виктора Зотеева, Юрия Панина, Владимира Терещенко, скульпторов Михаила Кульгачева, Вениамина Сидоренко, мастеров декоративно-прикладного искусства Владимира Гориславцева и Владимира Муратова — всего 55 экспонатов.

На протяжении многих десятилетий художники создавали произведения, представляющие во всем богатстве знакомые и одновременно неповторимые виды алтайской природы.

Геннадий Фёдорович Борунов, опираясь на традиции русской реалистической школы живописи, усвоенные им в стенах лучших учебных заведений России, достоверно и точно передает в своих работах природу степного Алтая. Его герои — хлеборобы. В основе каждой картины лежит непосредственное общение художника с натурой, стремление изобразить правду жизни, отсутствие внешней красивости и формальных эффектов.

Полотно «Отец» стало знаковым в творчестве Борунова. Герои картины — Леонид Григорьевич Забожанский, молотобоец кузни колхоза им. Эрнста Тельмана Павловского района, и его маленькая дочь Надя. «Прижалась Наденька к отцовскому плечу... Стоят. Видно, довольны оба... Лицо девочки было невероятно нежным, чистым и каким-то светящимся, выглядела она маленькой куколкой в могучих ручищах отца, лицо которого было словно вытесано из красного кирпича, обожженного в раскаленной печи», — вспоминал Геннадий Фёдорович. Идея контраста силы, которой природа щедро одарила кузнеца, и хрупкости ребенка увлекла художника. И чем дольше работал он над картиной, тем больше понимал, что никакого несоответствия между мужской силой и нежностью маленькой девочки нет. «Напротив, — делился своими выводами художник, — они невероятно соответствовали друг другу. Буквально во всем видна была чистая и нежная любовь отца и дочери. А за внешней грубоватостью на лице Забожанского вместе с безграничной любовью к дочурке читалась и ответственность за ее будущее».

В галерею сельских тружеников, созданную Боруновым, входит «Портрет бригадира Луночкина», выполненный в суровом монументальном духе 1960 годов. Эта работа строится по горизонтали. Почти всю плоскость картины занимает оплечное изображение мужчины. Художник максимально приближает героя к зрителю и окружает его широкой панорамой сельского пейзажа. Крупноплановость фигуры, корпусная живопись с пастозным мазком придают изображению особую весомость и значимость. Внутренней собранности и композиционной устойчивости модели в полной мере отвечает коричнево-охристый колорит картины, усиливающий идейную основу произведения, которая заключается в уважительном отношении к людям, работающим на селе, высокой оценке их нелегкого труда.

Тема освоения алтайской земли и преображения ее просторов в плодородные нивы находит отражение в живописных работах Андрея Григорьевича Вагина и Михаила Яковлевича Будкеева, работавших в составе целинных отрядов.

Выезжая в целинные районы края, живя вместе с рабочими в брезентовых палатках и полевых вагончиках, художники работают с натуры. Они создают художественную летопись целины. «На алтайских просторах», «Агроном», «Полевод-бригадир» Андрея Вагина и «Первая борозда. Совхоз "Комсомольский"» Михаила Будкеева документально-правдивы. При этом в них ярко проявляется дар художников видеть и передавать красочное многоцветие природы.

Андрей Вагин. ***На алтайских просторах.*** *Картон, масло. 29х49,5. Собственность ГХМАК*

Особой задушевностью и теплотой наполнены работы с видами степного Алтая Виктора Александровича Зотеева, приехавшего в Барнаул в 1967 году. Известно,

Геннадий Борунов. ***Отец.*** *1959–1969. ДВП, масло. 118х97. Собственность ГХМАК*

что художник всегда тщательно выбирал мотив для своей картины и работал быстро, увлеченно, темпераментно, сразу находя единственно верные отношения, расставляя акценты и разбирая детали. Зотеев не подчиняет природу собственной живописно-пластической системе, а, внимательно вглядываясь, бережно извлекает из натуры выразительные возможности. Пейзажи «Хлеб созрел» и «Уборка хлеба. Поля Тогульские» неповторимы по композиционным решениям, органичны в пленэрной живописной трактовке.

Тема малой родины с особой пронзительностью звучит в произведениях Владимира Борисовича Терещенко, тонкого и проникновенного пейзажиста, родившегося и выросшего в селе Романово Романовского района Алтайского края. Романтикой и ощущением безграничного счастья пронизана картина Терещенко «День рождения». Бескрайние алтайские просторы, высокое синее небо жаркого летнего дня. Мальчик на велосипеде раскидывает руки навстречу ветру. Радуга над ним наполняет полотно символическим смыслом, олицетворяя движение к заветной мечте. Мир, окружающий человека, ярок и праздничен, нужно уметь видеть его таким.

Кроме произведений изобразительного искусства на выставке представлены фотографии степных и лесостепных алтайских ландшафтов из коллекции Алтайского государственного университета.

Алексей Югаткин. ***Проспект Ленина после дождя.*** *1978. Бумага, акварель. 52,5x73. Собственность ГХМАК*

Государственный художественный музей Алтайского края

Алексей Югаткин: «Я — русский художник»

В Художественном музее Алтайского края состоялась выставка памяти Алексея Югаткина (1926–2001), который сам о себе, не признавая новомодных «измов», говорил: «Я — русский художник».

В историю изобразительного искусства Алексей Югаткин вошел, прежде всего, как непревзойденный мастер тонких филигранных акварелей. Одна из самых любимых и узнаваемых «Проспект Ленина после дождя» — уходящая вдаль пешеходная аллея в самом центре города. С одной стороны проспекта — пятиэтажный жилой дом (пр. Ленина, 47), где раньше на первом этаже размещался детский магазин «Смена». С другой — небольшое двухэтажное здание аптеки (пр. Ленина, 44), когда-то бывшее Римско-католической церковью, посвященной Непорочному сердцу Девы Марии.

Работа выполнена акварелью с использованием заливок. Художник писал на бумаге, предварительно смоченной водой. Краска растеклась по поверхности листа и легла полупрозрачно, легко, создавая поразительно точный эффект мокрого асфальта, с отраженными в лужах размытыми очертаниями деревьев, неба, прохожих. Только что закончился дождь. Еще не закрыты зонты, не развеялись в небе грозовые облака.

Светлый фон основы играет в произведении роль камертона, позволяя выстроить тональные отношения с поразительной точностью, наполняя изображение сдержанным, приглушенным светом. Острота образного впечатления усиливается пластикой рисунка, подвижными, без четких очертаний мягкими мазками кисти. Простота мотива — обычная городская улица — соединяется с высочайшим мастерством, изяществом исполнения. В экспозиции, подготовленной стараниями музейных сотрудников и сына художника Евгения Югаткина, представлено 25 акварелей: 17 — из фондов музея, 8 — из семьи мастера. В работах Алексея Югаткина — неброская сдержанная красота старинных уголков, окрестностей Барнаула, залитые солнцем стены белокаменных церквей родного Ярославля.

Кажется, все они выполнены легко, на одном дыхании. На деле художник мог переписывать одну и ту же работу несколько раз. Крепил на подрамник бумагу, наносил акварель на мокрую поверхность листа, вертел в руках, чтобы краски растекались. Писал Алексей Александрович на тонкой бумаге, «промокашке», которая стоила четыре копейки, специальная акварельная — десять копеек. Но дело не в цене, писал на ней, потому что более плотная впитывала краску, «фух и все», не давала делать заливки. Если работа не получалась, сдирал. Алексей Александрович относился к своему творчеству строго.

Жанр пейзажа оставался любимым для художника на протяжении всей жизни. В любое время года он искал общения с природой, выезжал на этюды. Натурные пейзажи художник писал маслом.

Рядом с залом акварелей Югаткина — почти три десятка его натурных работ. Они специально были оформлены сыном художника, Евгением, к выставке в музее. Этюды для художника были своеобразными записными книжками. Они хранили конкретные образы и мотивы, отражали его мысли и переживания. Этюдник Югаткина, служивший ему долгие годы, тоже вошел в экспозицию, инсценирующую уголок мастерской: мольберт, старые очки на резинке, кепка, рисунок карандашом, кисти, брошенные на палитру, тюбики с красками. Кажется, художник только что вышел.

*Алексей Югаткин. **Старый Барнаул.** 1979. Бумага, акварель. 49х72. Собственность ГХМАК*

Все этюды небольшого размера, но не это главное. Этюд отличается от картины не величиной, а идеей и степенью проработки деталей. У посетителей выставки была уникальная возможность представить процесс рождения картины — от замысла к воплощению. Некоторые акварели экспонировались рядом с эскизами, предоставленными семьей художника.

В своем творчестве Алексей Александрович следовал традициям мастеров русского лирического пейзажа, которые заключаются в том, что за внешней непритязательностью природы скрывается ее тонкая поэтическая красота. «В пейзаже должна быть история

Алексей Югаткин. ***Русский город.*** *1975. Бумага, акварель. 38х55. Собственность ГХМАК*

души», — художник любил повторять эти слова Константина Коровина.

Преобладание пейзажных работ не дает повода для упрека в жанровом однообразии выставки. В экспозицию вошли картины, посвященные воспоминаниям о войне, производственной тематике.

Войну Алексей Югаткин прошел пулеметчиком в составе 72-й бригады 10-го механизированного корпуса I Дальневосточного фронта. Участвовал в боях за маньчжурские города Ванцин и Гирин, во взятии корейского Пхеньяна. Был награжден орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Японией», удостоен благодарности Верховного Главнокомандующего тов. Сталина (1946). Спустя десятилетия, художник создал по памяти несколько акварелей на тему военной юности. Лучшая из них, «10-й мотомеханизированный корпус вступает в г. Гирин, Маньчжурия», находится в собрании Художественного музея Алтайского края. Художник эмоционально переживает события, участником которых он был. Удачная композиция живо воссоздает эпизод уличного боя, передает напряжение и стремительность советских солдат, невидимое, яростное сопротивление врага. Желтовато-охристый, «восточный» колорит обогащает произведение, позволяет почувствовать характерный облик Дальнего Востока.

Промышленные пейзажи представлены на выставке акварелями из цикла «Коксохим строится и работает». Будни Алтайского коксохимического завода, гремевшего на весь Советский Союз, нашли отражение в творчестве десятков барнаульских художников.

Алексей Югаткин побывал на Алтайском коксохимическом заводе в 1975 и 1984 годах. Со слов сына художника Евгения Югаткина, масштабы стройки поразили отца. Алексей Александрович застыл у одного из котлованов, на дне которого передвигались экскаваторы размером со спичечную головку. Эта сцена, с грудами земли, изображена в работе «Котлован под Коксохим» (1975).

Напряженная работа на пленэре и в мастерской, сколько бы она времени ни поглощала, отнюдь не исчерпывала всех творческих сил художника. Дома Алексей Александрович постоянно штудировал литературу по искусству: мемуары, монографии, альбомы прославленных мастеров пейзажа: Константина Коровина, Станислава Жуковского, Игоря Грабаря, Аполлинария Васнецова. Всю жизнь художника окружали хорошие книги, трепетное отношение к которым передалось и его сыновьям. Выставка «Алексей Югаткин — русский художник» стала событием в художественной жизни Барнаула, она показала, что творческое наследие мастера интересно и дорого не только искусствоведам, но и всем, кто отзывается сердцем на подлинное искусство.

Оксана Сидорова

Государственный художественный музей Алтайского края

Ваятельница

В Государственном художественном музее Алтайского края открылась редкая для Алтая выставка скульптуры Людмилы Рублёвой. В экспозицию вошли скульптурные, графические, живописные работы талантливого мастера, личные архивные материалы, каталоги выставок, инструменты и скульптурный станок.

Людмила Викторовна родилась в 1937 году в городе Грозном, окончила отделение скульптуры Львовского училища прикладного искусства. В декабре 1962 года Рублёва приехала в Барнаул и поступила на работу в Алтайское отделение художественного фонда РСФСР. Через два года ей выпала возможность поехать на творческую дачу им. Кардовского в Переславль-Залесский и попасть в группу учеников выдающегося русского скульптора Александра Матвеева. Искусство матвеевцев Людмила Рублёва принимает за образец высокого мастерства и следует ему в своих работах. Реализм, пластическое совершенство, психологическая проникновенность — ее творческое кредо.

В 1968 году Рублёва становится членом Союза художников России, с тех пор она постоянная участница краевых, зональных, республиканских, зарубежных выставок. Людмила Викторовна участвует в качестве делегата в работе съездов художников СССР и РСФСР. Многие годы выполняла обязанности председателя художественного совета Союза художников Алтая и члена правления Алтайского детского фонда.

Людмила Рублёва — разножанровый скульптор, ей одинаково удаются портрет, композиция, рельеф, а также работа с разными материалами: глиной, гипсом, деревом, камнем, металлом. Выбор материала диктует художнику натура и замысел. Иногда скульптор делает небольшие глиняные эскизы, но чаще, обладая хорошей памятью и ярким воображением, она работает быстро, без предварительных эскизов. Отсюда характерный почерк в скульптуре: пластически цельное, монолитное ощущение формы, лаконичное обобщение без дробности и детализации.

Ведущей в творчестве станет детская тема. Работы: «Света» (1964, известняк, ГХМАК), «Дашенька» (1966, дерево, ГХМАК), «Мальчик с цветком» (1969, дерево, ГХМАК), «Данилка» (1975, шамот, ГХМАК), «Грустная девочка» (1998, шамот, ГХМАК), «Портрет дочери» (1969, дерево, Музей искусств народов Востока) снискали заслуженную славу в начале творческого пути мастера и остаются актуальными по сей день. Для каждого произведения Людмила Рублёва находит свой материал, отражает богатую игру светотени, отражая чистоту и непосредственность юных моделей, передавая их внутренний мир.

Являясь талантливым портретистом, Рублёва создает галерею современников: «Бортхирург К.А. Смирнов» (1974, дерево, ГХМАК), «Пчеловод В.Г. Афонин» (1974, дерево), «Почетный гражданин Барнаула Н.М. Ярыгин» (1982, дерево, Павловская картинная галерея) и др. Она не ставит перед собой грандиозных социальных задач, но, обращаясь к субъективным переживаниям, по-новому решает в своих произведениях общественные темы. Скульптор не только показывает душевные качества портретируемых, раскрывает их внутреннюю сущность, но и выражает эпоху.

Еще одной магистральной темой в творчестве Рублёвой будет этническая тема. Ее вдохновляет Горный Алтай, и она создает замечательные портреты алтайцев: «Тана Марчина» (1972, 1974, дерево, Народная картинная галерея, п. Северобайкальск), «Молодой чабан» (1972, дерево), «Учительница из Бичикту-Бома» (1973, гипс тонированный, ГХМАК), «Алтаечка» (1967, гипс тонированный). Продолжая и развивая алтайскую тему, Людмила Рублёва сделает задорную «Маленькую Чечек» (1985, дерево), обобщенную композицию «Алтайская мадонна» (1991, дерево, ГХМАК), монументальную фигуру алтайского героя-великана Сартакпая (г. Барнаул, ул. Горно-Алтайская).

Людмила Рублёва. ***Маленькая Чечек.*** *1985. Дерево, резьба. Собственность ГХМАК*

Людмила Рублёва. ***Г. И. Гуркин.*** *2011. Дерево, резьба, мастиковка. 59,3х43,5х30,1. Собственность ГХМАК*

Также Рублёва является автором монументальных работ, установленных на территории Алтайского края: памятники героям Гражданской войны Ф. Колядо в селе Баево и Е.М. Мамонтову в селе Волчиха; памятник советским воинам, погибшим в 1941—1945 гг., в селе Гришино; мемориальный комплекс, посвященный солдатам Великой Отечественной войны в районном центре Мамонтово; фигура «Родина-мать» в селе Шадрино, бюст И.Я. Шумакова в с. Барановка. В станковых работах Людмила Викторовна также обращается к теме Великой Отечественной войны, она создает выразительные портреты ветеранов, близких и знакомых людей, прошедших войну.

В 1990 годы, когда государственные заказы сойдут на нет, творчество Рублёвой останется востребованным. Жителям Барнаула хорошо знакомы памятник публицисту, исследователю Сибири, археологу, этнографу Н.М. Ядринцеву в Нагорном парке; фигура Сартакпая «Пробуждение» на Горно-Алтайской улице; рельефы во Дворце бракосочетания, мемориальная доска Московскому камерному театру им. А. Таирова в здании филармонии, медная скульптура «Обнаженная» в санатории «Барнаульский». Кроме того, с 1978 по 2002 год Людмила Викторовна занимается педагогической деятельностью — преподает в Новоалтайском государственном художественном училище.

В 2000 годах скульптора интересуют известные люди Алтая, творческие личности, сыгравшие особую роль в истории края. На основе архивных, музейных документов Рублёва создает скульптурные портреты Акинфия Демидова (2008, шамот, АГКМ), Николая Гуляева (2004, шамот, ГХМАК), Николая Ядринцева (2000, гипс тонированный, АГКМ), святителя Макария Глухарёва (2000, к. пастель, ГХМАК), Фридриха Геблера (2000, шамот), Марии Будкевич (2016, гипс тонированный), Марии Сергеевны Куксиной, матери Василия Макаровича Шукшина (ГМИЛИКА), Григория Гуркина (2011, дерево, ГХМАК). Отдавая дань памяти и уважения своим современникам — алтайским художникам, Рублёва сделает психологические портреты Геннадия Борунова и Глеба Белышева.

Параллельно с занятиями скульптурой Рублёва всегда рисовала. Графические рисунки углем, сангиной, карандашом с натуры позволяют ей решать сложные задачи скульптуры. Совсем недавно Людмила Викторовна обратилась к технике пастели и создала серию дизайнерских работ «Вариации на тему "Цветы"».

Художница и в наши дни активно живет и работает. В настоящее время Рублёва выполняет два произведения в камне, своем излюбленном материале. Немало сил приложила Людмила Викторовна к организации своей шестой персональной выставки в ГХМАК, посвященной ее 80-летию. Юбилейная экспозиция, получившая название «Движенье рук рождает красоту», представила Людмилу Рублёву не только как ведущего скульптора края, сильного рисовальщика и смелого живописца, но и как авторитетного учителя, хорошего друга, любящую маму и заботливую бабушку.

Юбилей Людмилы Викторовны собрал в залах музея искусствоведов, художников, близких людей, поклонников ее искусства. Прозвучали праздничные речи, квинтэссенцией которых можно считать слова Дмитрия Петренко, председателя краевого отделения Союза художников России: «Глядя на эти работы, я категорически отказываюсь соглашаться с возрастом их автора. В них столько экспрессии, динамики, внутренней энергии». Добавим от себя, что секрет молодости и актуальности творчества Людмилы Рублёвой кроется в неустанном труде и служении искусству.

Евгения Школина

Людмила Рублёва. ***Данилка.*** *1975. Жесть, медь, шамот. Собственность ГХМАК*

Анатолий Щебланов. ***Рассвет.*** *Фото Дмитрия Золотарёва*

Галерея «Турина гора»

Красота как главный выбор

В галерее «Турина гора» в ноябре проходила памятная выставка, посвященная художнику Анатолию Щебланову

В экспозицию вошли 30 работ из собраний семьи и друзей художника. Анатолия Щебланова (1931–2011) и галерею «Турина гора» связывала творческая дружба, в том числе прижизненные персональные выступления художника. В 2012 году в галерее проходила его посмертная выставка. Анатолий Щебланов долгие годы был известен в Барнауле как монументалист. Им оформлены фасады известных барнаульских зданий: металлопластика «Символ просвещения» на стене краевой библиотеки им. В.Я. Шишкова и др.

На Алтае в начале 1960 годов художник оказался по воле случая. На одной из творческих дач он встретился с барнаульским художником Дием Комаровым, и под впечатлением увлекательных рассказов о красотах Алтая принял моментальное решение о переезде. В наши дни такой прямой вызов судьбе выглядит совсем уж невероятно.

Поздний период творчества Анатолия Щебланова можно датировать 1990 годами, он связан непосредственно с пейзажной живописью. Круто менялись общественные приоритеты, однако многие ведущие барнаульские живописцы в состоянии творческой свободы и вседозволенности выбирали традицию, консервативные тенденции в изобразительном искусстве. Художник Щебланов отдает дань пейзажной живописи. Работы выполнены на местном материале с ретроспектным, в духе начала XX века, академическим видением. Все его пейзажи немного схожи по композиции и чертами стиля модерн (особенно это проявляется в мотиве с озером). Художник писал с натуры этюды, которые в мастерской перерабатывались в отточенные пейзажи-композиции. Мастер разрабатывал особенную палевую, без явных цветовых контрастов, колористическую манеру.

Пейзажи Анатолия Щебланова, возникнув как бы внезапно, не предполагали дальнейшего развития. Главным для художника оставалось высокое понимание искусства: академичность, салонность. Как мы теперь понимаем, выбор красоты в искусстве был главным выбором в жизни для Анатолия Щебланова. Любопытна аналогия его творческого пути с жизнью другого художника-монументалиста из Бийска — Николая Пономарёва.

Организация персональной выставки Анатолия Щебланова в родных для художника стенах галереи — знак признания больших заслуг живописца.

Дмитрий Золотарёв

Пятьдесят лет назад началась профессиональная деятельность Любови Николаевны Шаминой. 25 октября 1967 года она была принята на работу главным хранителем в Алтайский музей изобразительного и прикладного искусства. Она стала одним из самых известных искусствоведов в крае, организатором масштабных и уникальных вернисажей

Первые встречи

Глава из книги «Мой музей»

текст ***Любовь Шамина***

Рисунок Юрия Солдатова

Я хочу рассказать вам о своем музее, чем он был и остается в моей жизни. Я имею на это право, так как провела в его стенах более тридцати лет: работала экскурсоводом, библиотекарем, научным сотрудником, главным хранителем, директором.

А начиналось все в далеком 1965 году, я училась на втором курсе филфака Барнаульского пединститута. В наш город приехала выставка из Русского музея. На последнее занятие перед весенней сессией к нам пришел декан факультета Николай Степанович Черемисин с незнакомым пожилым мужчиной, сухоньким, небольшого роста, в светлой шляпе. Николай Степанович представил студентам директора Алтайского краевого музея изобразительных и прикладных искусств Бориса Андреевича Романенко. Декан передал нам просьбу руководителя музея поработать на экспозиции три месяца экскурсоводом кому-нибудь из студентов, пока научные сотрудники музея сдают экзамены в Академии художеств в Ленинграде. В аудитории воцарилась тишина, никто не хотел заваливать сессию, а первый экзамен мы сдавали через два дня. Многие студенты даже не знали, где находится музей, чем он занимается. Ни у кого из присутствующих не было желания работать

с материалом, о котором они не имели ни малейшего представления. Декану ничего не оставалось делать, как просто назначить кандидатуру экскурсовода и его взгляд... остановился на мне. «Я помню, — сказал он, — ваши беседы о художниках на практике, защищать честь института придется вам, а сессию мы поможем сдать». Это прозвучало, как приговор, мне ничего не оставалось делать, как согласиться. Всю дорогу до музея директор уговаривал меня не волноваться, уверял, что я справлюсь, обещал помогать во всем.

Волнение как-то само собой улеглось, когда мы переступили порог музейного здания. Музей в то время находился на нижнем этаже жилого дома по улице Советской, 28, в районе площади Октября. Позже я узнала, что это помещение музей занял всего год назад, а до этого времени располагался тоже в жилом доме по проспекту Ленина, 58, в бывших художественных мастерских. Потом здесь долгие годы был магазин «Алтайский каравай». Скромные музейные интерьеры разочаровали меня. В своей, совсем молодой, жизни я видела другой музей, который навсегда остался моим идеалом, — Эрмитаж, в котором я впервые побывала в 1958 году с группой барнаульских школьников. Он поразил меня, пятнадцатилетнюю девчонку из Сибири, красотой и сказочной роскошью. Однако нужно было мириться с тем, что я увидела в барнаульском музее.

Меня встретили приветливые, доброжелательные люди и, прежде всего, сотрудница Русского музея Лидия Александровна Шапошникова, миловидная, стройная женщина с гладкой прической, лучистыми глазами и доброй улыбкой. Мне почему-то запомнилось, как она шла ко мне в легких тапочках, мягко и плавно ступая по полу. Мы познакомились, я откровенно рассказала ей, что имею отрывочные знания о художниках, никогда не изучала историю искусства и вообще я ничего не знаю! Но она доверительно обняла меня и уверенно сказала, что все обязательно получится, было бы желание.

Она провела со мной только одно занятие, но какое! Вся история русского искусства ожила в ее рассказе. Выставочная экспозиция начиналась с иконы «Умиление», а заканчивалась живописью XX века. Только впоследствии я по-настоящему оценила качественный состав выставки. Здесь были удивительные портреты великих художников: Рокотова, Левицкого, Боровиковского. Академическую школу живописи представляла огромная работа «Суд над мозаичистами», которых казнили за раскрытие секретов изготовления мозаики, с пытками, кровью и страданиями. Здесь были и знаменитые передвижники: Перов, Крамской, Суриков, Серов, Левитан, пейзажисты рубежа века и советского времени: Бялыницкий-Бируля, Ромадин, Стожаров. Завершала выставку работа Пименова, лауреата Ленинской премии, из известной серии «Новая Москва». Лидия Александровна уехала в Ленинград, а я осталась одна с экспозицией, с экзаменационной сессией, с кучей проблем.

Только однажды десять колыванских ваз из Эрмитажа и Русского музея экспонировались на родине, в Алтайском крае, — в 1978 году. Это стало возможно благодаря исключительному энтузиазму Любови Шаминой. Фото Сергея Пирогова. 1977

Директор музея предоставил мне для подготовки к экскурсии свой маленький кабинет, другого помещения в музее не было, открыл библиотеку, где я набрала огромное количество книг по материалам выставки. На подготовку к первой экскурсии мне было дано несколько дней, а потом началось нечто невообразимое. Как я ни старалась, катастрофически не хватало знаний, опыта, времени, да еще одновременно нужно было сдавать сессию. В день приходилось проводить до десяти экскурсий, они тогда были бесплатными. На выставке каждый день было большое количество посетителей,

музей не вмещал всех желающих посмотреть экспозицию и люди на улице просто ждали своей очереди. Я за эти месяцы почти забыла про сон, книги по искусству буквально проглатывались и полученные сведения включались в экскурсионный рассказ. Это было какое-то ненормальное время, но счастливое. С одной стороны, плохо, что не было рядом специалиста, кто бы подсказал, помог, с другой, не на кого было надеяться, только на себя. Ведь стыдно было вести экскурсию и чего-то не знать, поэтому хотелось и все знать, и соответствовать музейному уровню. Я получила первый опыт самоорганизации и работы в экстремальных условиях.

Моим дебютным экскурсиям было далеко до совершенства. Когда схлынул первый поток посетителей, у меня появилось время для общения с произведениями. Я подолгу всматривалась в живопись, училась не только смотреть, но и видеть ее, понимать изобразительное искусство, пыталась разобраться, что волнует меня в картине, какие чувства вызывает она в моей душе и почему это происходит.

В эти месяцы я так много узнала, поняла и, как оказалось потом, уже тогда полюбила музей со всем его содержимым и особенным запахом, который тоже на долгие годы стал родным. В эти же месяцы я познакомилась с удивительными, интересными людьми, с которыми потом долгие годы сотрудничала. Один из них — журналист, возглавлявший тогда редакцию литературы и искусства на краевом радио, которого впервые увидела в музее среди группы экскурсантов. Я уже к тому времени немного освоилась и довольно бойко рассказывала и... вдруг увидела совсем рядом микрофон. До сих пор не могу понять, что со мной произошло, я бы назвала это состояние шоковым. Меня как будто на секунду парализовало, в голове все завертелось, язык отнялся и я потеряла дар речи. Стою и растерянно молчу. Хорошо, что журналист, а это был Виктор Самуилович Серебряный, оказался очень чутким, деликатным и интеллигентным человеком, он быстро убрал микрофон и незаметно удалился. Я смогла продолжить экскурсию, но еще долго оставалась в заторможенном состоянии. Вскоре Виктор Серебряный пригласил меня к себе на встречу и попросил подготовить радиопередачу по выставке. До сих пор хорошо помню рождение моего первого текста для радиопередачи, долгую и трудную запись в студии. Виктор Самуилович заставлял меня переделывать текст, учил особому радиоязыку, который, как он говорил, был бы интересен даже домохозяйкам на кухне. В студии на записи он бесконечно прерывал меня, заставлял менять то интонацию, то правил ударение, то уточнял правильность смысловых акцентов. Для меня это была замечательная школа приобретения и накопления профессионального опыта. Впоследствии мы с Виктором Самуиловичем сделали много передач, подружились и до конца его жизни поддерживали теплые, доверительные отношения. Я до сих пор благодарна этому удивительному человеку — высочайшему профессионалу, мягкому, но требовательному руководителю, моему учителю. Виктора Самуиловича давно нет, но тепло, которое я к нему храню в душе, я оставлю до конца и моих дней.

***Алевтина Карпова и Вера Татаренко** — первые сотрудницы Алтайского краевого музея изобразительных и прикладных искусств. Возле Академии художеств в Ленинграде. 1960 годы. Фото из архива Любови Шаминой*

Яркие воспоминания остались у меня и от первых встреч с сотрудниками музея, приехавшими с экзаменов из Ленинграда. Их было двое, Вера Семёновна Татаренко и Алевтина Фёдоровна Карпова. Одна занималась учетом и хранением экспонатов, другая — библиотекой.

Вера Семёновна — высокая, сутуловатая, темноволосая, очень приятная внешне. Мне было с ней

интересно, она с увлечением рассказывала о художниках, знакомила с секретами хранительской работы, мы протирали рамы картин, предметы прикладного искусства, скульптуру, одним словом, наводили порядок в запаснике. Умная, строгая и требовательная, она не выносила беспорядка и легковесности в людях. Ее смертельно боялись смотрители, не ладились отношения с Алевтиной Фёдоровной и даже с директором, тихим, сдержанным человеком.

Образ Веры Семёновны запомнился мне и по уникальной ситуации, связанной с подготовкой телепередачи по той же выставке из Русского музея. В те годы телевидение только начинало внедрять организацию телепередач с места события. Это происходило так: рано утром к музею подходил «упакованный» автобус «ПТС» с массой техники и проводов. Всю первую половину дня в музей завозились какие-то ящики, приспособления, во все залы укладывались кабели. Подготовкой и проведением творческой части передачи занимался режиссер. На алтайском телевидении это был Борис Андреевич Вахрушев, умный, талантливый, профессионально грамотный, опытный человек, но очень эмоциональный, иногда непредсказуемо импульсивный и взрывной. Он много работал с авторами текстов и ведущими программы. Так было и в данной ситуации. Вместе с Верой Семёновной режиссер перестроил экспозицию, взяв одну тему «Русский портрет». Вера Семёновна самым добросовестным образом подготовила текст, который не выпускала из рук. Видно было, что она очень волнуется, боится камеры. Наконец, началась запись и случилось такое... Вера Семёновна не могла говорить без листочка, произнесет одну фразу и замолкает, запись прекращается, потом все продолжается сызнова.

Борис Андреевич сначала говорил спокойно, выдержал валерьянку, истерику, а часа через два взорвался: «Это же ваш хлеб, как вы не можете взять себя в руки, за каким чертом я притащил сюда всю эту технику, можно было в студии посадить вас за стол и дать прочитать текст!» Вера Семёновна рыдала, Борис Андреевич бегал по залам, кричал. В конце концов, он усадил Веру Семёновну за стол, она читала свой текст, а операторы, по мере прочтения текста, показывали картины. После записи, ход которой я видела из-за кулис, со мной тоже стало плохо, лучше бы я никогда не видела этого ужаса. Потом, когда я сама стала участницей записи телепередач, эти воспоминания мне очень мешали.

А Вера Семёновна много доброго сделала для музея: идеально вела документацию по учету художественных произведений, занималась комплектованием коллекции. Ее заслуга — формирование античного отдела и зарубежной графики из Эрмитажа. В Академии художеств она занималась по теме «Жанровая картина 1950–1960 годов в творчестве алтайских художников». Но в музее она не прижилась. В последний раз я виделась с Верой Семёновной году в 1966, когда случайно забежала в музей. Как оказалось, она была в музее последний раз, уволилась и куда-то уезжала. Высокая, красивая, она обрезала свои роскошные волосы и предстала передо мной помолодевшей и какой-то непривычно спокойной.

Алевтина Фёдоровна была совершенной противоположностью Вере Семёновне. В музей она пришла из медицины. Невысокого роста, стройная, симпатичная, с короткой стрижкой, чуть вьющимся волосом, очень живая, общительная и ... легкая. Она положила начало формированию отдела декоративно-прикладного искусства. Имела хороший вкус, отбирала качественную живопись в коллекцию музея.

После отъезда из Барнаула она работала в Астраханском художественном музее научным сотрудником, директором, позже — в Харьковском союзе художников.

В далеком 1965 году я сделала первые шаги в волшебный мир искусства, в котором живу до сих пор.

Любовь Николаевна Шамина (р. 1943)
Искусствовед, член СХ РСФСР (1985), заслуженный работник культуры России (1991), лауреат благотворительного Демидовского фонда Алтайского края (2008).

Окончила филологический факультет БГПИ и факультет теории и истории искусства Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина в Ленинграде.

В 1967 году принята на работу в Алтайский музей изобразительных и прикладных искусств. С 1976 по 1998 — директор музея.

1997–2005 — доцент кафедры теории искусства и культурологии АлтГУ.

Создатель первого в России музея водочного завода — музея Барнаульского ликероводочного завода. К его 100-летнему юбилею вышла книга «Школа Диониса», авторы Владимир Башунов, Любовь Шамина.

2006–2015 — ведущий искусствовед картинной галереи «Кармин» С.Г. Хачатуряна.

Автор многочисленных изданий по искусству — книг, альбомов, каталогов, искусствоведческих статей.

В настоящее время продолжает активную творческую деятельность: организует выставки, готовит экспертные заключения, комплектует коллекции по искусству, читает лекции, принимает участие в Сибирских искусствоведческих чтениях, выступает со статьями об искусстве в прессе.

Илзе Рудзите. ***Свет.*** *2015. Фото Дмитрия Золотарёва*

Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая

Посвящение Свету

В сентябре-октябре в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая проходила персональная выставка художницы Илзе Рудзите «Слава солнцу!».

Юбилейное мероприятие было посвящено 80-летию художницы.

Илзе Рудзите известна на Алтае неповторимым прочтением изобразительного искусства. Личность художницы, ее социокультурный типаж необычны. Илзе Рихардовна приехала в Барнаул в начале 1960 годов из Латвии. В то время в Алтайский край прибывало немало художников, молодых, недавно окончивших учебные заведения, но уже с определенным, сложившимся культурным багажом. Несмотря на адаптирующее влияние местной среды, а также усредненные нормы советского изобразительного искусства, большинство из приезжих художников смогли ярко заявить о себе.

Илзе Рудзите как самостоятельная художница стала формироваться в шестидесятые годы. Уже в следующее десятилетие она демонстрирует в своем творчестве отказ от прямолинейности и однозначности. Корни,

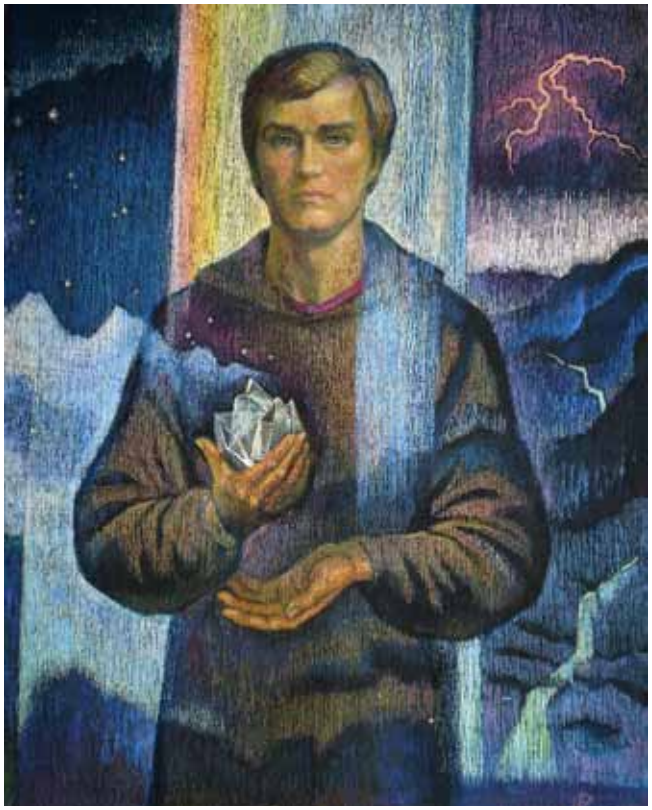
берущие начало в «оттепели», быстро дают ростки нового интеллектуального искусства. Художница остается верна крупному формату полотен, которые, в свою очередь, все дальше уходят от сочинения на заданную тему, от привычной тематической картины советского времени. Все более проявляет себя родовая память, которая обнаруживается во влиянии западноевропейского изобразительного искусства, появлении своеобразных готицизмов. И вместе с тем у Илзе Рудзите есть мощная духовная составляющая, внутренняя скрепа, соотносящаяся с именем и творчеством Николая Рериха (приезд на Алтай был инспирирован авторитетом мастера). С годами духовное начало все откровеннее будет соотноситься с религиозными ориентирами: героями полотен станут Сергий Радонежский и Франциск Ассизский, Иисус Христос и Будда...

В экспозицию вошли работы из двух барнаульских музеев, ГМИЛИКА и ГХМАК, из мастерской художницы, частных городских коллекций. Выставка-ретроспектива включила и отдельные новые работы. Приоритет получили композиции и портретный жанр. Пейзаж, который активно присутствует в наследии художницы, на выставке не был заявлен. Живописные произведения сумели совершенно по-новому организовать привычное пространство зала, задать привлекательный ритм: белые стены и темные величественные вертикали картин. Зал словно увеличился, колонны «подросли», пространство наполнилось эманациями подлинного искусства, оно стало почти сакральным.

Тон выставке задавали портреты. Заметно, что Илзе Рудзите на протяжении всей творческой карьеры привлекали именно мужские образы. Открытием для зрителя стал ранний портрет отца — латышского писателя Рихарда Рудзитиса (1958). Изображение написано в традиционной академической манере и восходит к портретам ученых, интеллектуалов, выработанных западноевропейским искусством. У Илзе Рудзите есть свои каноны, авторские схемы в искусстве, которым она неукоснительно следует. В жанре портрета автор использует ситуацию предстояния, немого диалога персонажа со зрителем («Портрет ученого-востоковеда В.А. Росова» (1988), «Портрет писателя Г. Гребенщикова» (2014)). Со временем в круг «портретируемых» художница все чаще стала включать святых. За исключением нескольких автопортретных изображений женские образы не востребованы в ее творчестве.

Многочисленные картины-композиции Илзе Рудзите посвящены проявлениям любви как земной (любовь мужчины и женщины, любовь матери и дитя), так и небесной.

Илзе Рудзите. ***Радамес и Аида. Древнеегипетская легенда.*** *1974. Собрание ГХМАК. Фото Дмитрия Золотарёва*



Илзе Рудзите. ***Портрет ученого-востоковеда В.А. Росова.*** *1988. Фото Дмитрия Золотарёва*

И для портретов, и для композиций характерна особо культивируемая плоскостность изображений, они напоминают сказочные, возможно, что эльфийские гобелены. Отдельные изобразительные приемы напоминают ковроткачество, вышивку, что, в свою очередь, предполагает стилизованный рисунок. На протяжении десятилетий художница писала в сложившейся технике (масло, пастель), но в последнее время перешла на акрил. Илзе Рудзите любит размышлять, формируя законченный образ, она создает сразу несколько вариантов конкретной композиции. Выбор новой техники сподвиг ее на своеобразный спор с собственным ранним творчеством. Художница создает новые варианты наиболее близких ей картин.

Выставка прославляет солнце. Все творчество Илзе Рудзите посвящено Свету, с заглавной буквы, где подразумевается и реальная природа солнечно-светового воздействия, и явная метафизическая аллюзия. Конечно, далеко не все так просто. Художница выбирает для своих произведений не реально существующее, а выдуманное иллюзорное, неглубокое пространство, более всего соответствующее эстетике сна. В этом случае становится понятным необычное освещение на ее полотнах. Некий загадочный источник искусственного освещения, как нам кажется, мало что имеющий с конкретной солярной активностью, освещает центр композиции и постепенно слабеет к краям картины. Неслучайно края ее полотен всегда затемнены. Одна из творческих тайн художницы Илзе Рудзите заключается в том, что она пишет «с широко закрытыми глазами».

В последнее время Илзе Рудзите живет в Горном Алтае. Контакт со ставшим для нее родным Барнаулом, может быть, и ослабевал, но никогда не прерывался. Ее персональная выставка была переполнена чувствами ностальгии.

Дмитрий Золотарёв

Музей «Город»

И вечная оттепель

В Выставочном зале барнаульского музея «Город» в июле проходила персональная выставка художника из Новокузнецка Петра Рещикова «Кузнецкая крепость»

Выставка заслуженного художника России Петра Павловича Рещикова посвящена 400-летию города Кузнецка. Уместно напомнить, что Пётр Рещиков приезжает в Барнаул во второй раз. Первое его посещение состоялось в рамках большой коллективной выставки художников Кемеровской области в 2002 году, о которой автор этих строк написал в ту пору своеобразный искусствоведческий отчет, отведя отдельный абзац и Петру Рещикову. Как часто бывает, творческие взгляды художника, разделенные пятнадцатью годами, с трудом совпадают. Художники-кемеровчане переживали небывалый расцвет абстрактного искусства. Не был исключением и Пётр Рещиков, у которого, правда, оставалась приглушенная фигуративность (работы того времени на нынешнем вернисаже не показывались).

Пётр Рещиков. ***Подобасс.*** *2003. Фото Дмитрия Золотарёва*

Пётр Рещиков. ***Байкал. Ольхон.*** *2012. Фото Дмитрия Золотарёва*

Собственно, заявленные городские пейзажи в экспозиции были единичны, они были представлены несколькими видами из окна мастерской, написанными в разные времена года. Запоминается крупноформатный январский вид с включением фрагмента мастерской, сочетающий пейзажный и интерьерные жанры («21 января 2012 года»). Художник неоднократно возвращается к мотивам окон: «Зимнее окно» (2003–2013), «Тобольские окна» (2013) и др. Пётр Рещиков отлично владеет искусством организации картинного пространства. Например, огромное символистское полотно «Кузнецкое время» (2006) представляет собой составной полиптих размером в четыре метра. Этот колоссальный живописный опус, внешне напоминает мозаику, так и просится в фойе значимого административного здания.

В экспозиции преобладают высокопрофессионально выполненные сибирские пейзажи. Петра Рещикова интересует Сибирь в разных географических проявлениях: виды Тобольска, озеро Байкал, Саянские горы. Столь различные регионы имеют много общего в художественной системе координат. Главенствует крупный формат картин с ярко выраженным монументальным началом. Художник, как тот рыбак: все шире и шире разводит руки — вот какая она, Сибирь, необъятная! Радует качественная авторская живопись, фактурная осязаемость цвета, преобладающий плотный мазок. Рещиков любит декоративные решения. Не составляет труда заметить, что корни его искусства берут начало в 1960 годах, во времена оттепели, которая согрела и советское изобразительное искусство. Думается, совершенно не случайно, живописец активно использует именно мотив весеннего цветения. На его полотнах раскидисто цветут сирени, вербы и черемухи. Художник одновременно и верен пластическим идеалам своей молодости, и в то же время вносит новые ноты зрелости, немалого художественного опыта.

Перед нами предстал зрелый, интересный художник сибирского масштаба с неповторимым оттенком реализма (которых, заметим, никак не меньше 50). Прежде мы рассматривали Кемеровскую область в художественном отношении как своеобразный заповедник модернизма. Оказывается, бывают неожиданные исключения.

Дмитрий Золотарёв

Георгий Георгиевич Селянин

Ребрихинский центральный дом культуры и краеведческий музей

Творческий век Георгия Селянина

В фойе Ребрихинского центрального дома культуры 21 ноября открылась персональная выставка одного из старейших художников Алтайского края Георгия Георгиевича Селянина. 18 ноября ему исполнилось 100 лет! Нелегкие испытания, выпавшие на долю этого человека, не помешали сбыться его главной детской мечте — стать художником.

Георгий Селянин родился в Ребрихе, рано потерял отца, рос в бедной семье отчима. Наравне со взрослыми работал в крестьянском хозяйстве. В школу приходилось до зимы бегать босиком, а это четыре километра в одну сторону. С детства он любил рисовать, но в доме не было ни карандашей, ни бумаги — неграмотным родителям это было не нужно. Мальчик нашел способ: чертил углем на бересте, а зимой — на замороженных окнах, рисовал в основном коней. С улицы прохожие заглядывались на его произведения.

Способность к рисованию была замечена и в школе, одноклассники просили сделать в их тетрадях рисунки. Решающим в жизни подростка стал рассказ дяди о смерти великого художника Репина, о его картинах. Тогда Георгий твердо решил: буду художником.

С сентября 1939 по апрель 1943 года Георгий Селянин служил на Дальнем Востоке в Маньчжурии вычислителем 182-го гаубично-артиллерийского полка, а с 1943-го освобождал Белоруссию, Молдавию, громил фашистов в Румынии, Венгрии, Австрии. За ратные подвиги артиллерист-корректировщик Селянин награжден Орденами Великой Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги». Солдат Селянин и во время войны, даже находясь на передовой, не бросал своего увлечения: делал зарисовки, наброски портретов своих фронтовых товарищей. Фронтовой альбом чудом сохранился. Преподаватели Ребрихинской школы искусств подготовили выставку Георгия Селянина «По страницам военного альбома. Графика», она была показана в Ребрихе и Барнауле.

После войны Георгий Георгиевич вернулся в Ребриху, женился, и только в 1949-м поступил в Алма-Атинское художественное училище. Окончив его, работал в столице Казахстана художником-портретистом, оформителем. В 2002 году Георгий Георгиевич вместе с супругой вернулся на родину — в Ребриху. Все эти годы художник пишет новые работы, принимает участие в краевых выставках, проводит персональные выставки в Ребрихе, краевом детском экологическом центре, краевой клинической больнице. В 2015 году Георгий Селянин стал лауреатом Всероссийской виртуальной выставки «Салют Победы». В дни своего 100-летнего юбилея художник продолжает работать у мольберта, правит картины, делает наброски новых сюжетов.

Весной 2017 года выставка Георгия Селянина, получившая название «Сколько живу, а душа не насытится вечно желанной земной красотой!», работала в конференц-зале Краевой клинической больницы. Посетители выставки — прежде всего больные и врачи — были поражены возможностями долголетия, в том числе творческого, которые демонстрирует этот скромный и очень сильный духом человек. Георгий Георгиевич излучает жизнелюбие и стойкость.

Экспозиция «Творческий век Г.Г. Селянина», посвященная столетию художника, объединяет тридцать работ разных лет. К ее открытию Ребрихинская районная библиотека выпустила брошюру-альбом с большим очерком о жизни и творчестве художника и иллюстрациями картин. Ребрихинский районный музей отметил вековой юбилей земляка выставкой, представляющей картины и рисунки из фронтового альбома (1943–1945), а также другие документальные свидетельства о жизни мастера.

Георгий Георгиевич стал почетным гостем на обеих выставках, он пожелал односельчанам, собравшимся на открытие, любить свою малую родину и делать все возможное для ее процветания.

Георгий Селянин. ***Из фронтовых зарисовок***

Художника беспокоит судьба родной Ребрихи, ее, окруженную Касмалинским бором и реками Касмалой и Барсучихой, он считает одним из самых красивых сел Сибири. Георгий Георгиевич очень надеется, что его творчество послужит новым поколениям ребрихинцев для осознания своего места в мире, бережного отношения к малой родине. Значительную часть своих картин художник подарил Ребрихинскому краеведческому музею, коллекция работ находится в Ребрихинской средней школе. Георгий Селянин никогда не ждал, что творчество принесет ему деньги и славу, — пусть лучше его картины сделают кого-то добрее, мудрее.

Сергей Чикильдик

Георгий Селянин. ***Переселение в Сибирь.*** *1992. Холст, масло. 105x200*

Отец Михаил и все мы

5 декабря 2017 года исполняется десять лет со дня кончины митрофорного протоиерея, настоятеля Свято-Никольского храма г. Барнаула, отца Михаила Капранова. Десять лет – это чуть больше, чем тот срок, который отец Михаил отсидел в тюрьме, и чуть меньше, чем период его настоятельства в Никольском храме. Этого расстояния уже достаточно, чтобы человеческие страсти отслоились в осадок и одновременно все стало ясным и четким, как в тихий морозный день

текст ***Галина Батюк***

Мы стоим под надзором строгих, как у школьного директора, ликов, ждем чуда воскресения. Самая соль — когда крестный ход заходит с улицы, два светоносных потока (люди со свечками внутри и снаружи) в отражениях окон смешиваются в одну блестящую реку и тебя поднимает над пространством выдохом-окриком: «Христос Воскресе!» Две девочки, Оля и Таня Капрановы, красивые не по-здешнему, по-итальянски, отвечают: «Воистину Воскресе!», — отчаянно громко, как если бы ответить тише, то Пасха не сбудется, так что бабки-свечницы вздрагивают и оборачиваются. До сих пор люблю Пасху больше других праздников, потому что смерть отменили хотя бы на сутки, потому что чудо пассивно и незаслуженно, и пытаюсь ответить свое «Воистину!» также громко, но меня, конечно, не слышат — через столько-то лет и километров. Как-то раз во время одной из таких всенощных меня подловил своим всевидящим оком фотограф Михаил Хаустов. На следующий день киоски были увешаны газетами с моей уставшей от ночного бдения физиономией — Никольская мной гордилась, одноклассники подсмеивались: наша молитвенница. У меня же было ощущение ведомого только мне сокровища, припрятанного до случая в кармане.

Я помню отца Михаила расплывчато, немного в расфокусе, потому что мне было двенадцать, когда его не стало, но мне все больше кажется, что мы настолько условно живые (ну что это за срок — усредненные 70 лет), что нет никакого шанса жить только тем, что тебе современно, соэтапно. В криминалистике есть наука о следах — трасология, но ведь следы бывают не только физические, и однажды растревоженный след человека притягивает за собой такие сложные, как нейросеть, связи, системы, что не выпутаешься, и слава Богу.

Помню человека в очках с толстыми близорукими стеклами, сквозь которые — немного грустные, чуть-чуть с хитринкой, с нерастраченным любопытством глаза вечного студента Шурика из гайдаевской комедии. Он сидел в своей каморке-кабинете под хорами, много писал, еще больше читал, не любил, когда моя мама, церковный бухгалтер, заходя к нему, включала верхний свет (тюремная нелюбовь, там не разрешали выключать), щурился и по-детски сердился, если нужно было подписывать документы. Я как могла пользовалась тем, что была чуть ли не самой младшей дочерью полка в Никольской (все-таки Никольская — в прошлом полковая). Рыдала в кабинете отца Михаила («Ты что, дурак? Дети одни по улицам не ходят», — это он мне предложил уйти домой без мамы, когда мне вдруг захотелось, а ей нужно было работать), рассказывала ему накануне прочитанную и слегка дополненную сказку про батюшку-медведя Михаила Капранова («Тоня, чему это ты ребенка учишь?» — сказка была про Мишеньку-медведя, но в детском сознании все предательски перемешалось), без страха заглядывала в гробы на отпеваниях, незаметно слизывала всю икру

Михаил Сергеевич Капранов (1944–2007). Родился в Горьком (Нижний Новгород). Учился в Горьковском государственном университете им. Н.И. Лобачевского на историческом отделении историко-филологического факультета. В 1970-м приговорен к семи годам лишения свободы по статьям 70 и 72 УК РСФСР за «антисоветскую агитацию». В 1979 году рукоположен в сан священника, служил в Томске, Абакане, Тогуре, Красноярске. С 1989 года жил в Барнауле, с 1996-го — настоятель Свято-Никольской церкви.

с бутербродов для разговения после всенощной и утверждала, что выйду замуж за местного пономаря («Галя, он для тебя старый» — «Ничего, мне тоже скоро шесть»). Иногда отец Михаил в непростые моменты сам звал маму с верхних хоров, посылал за «Ново-пасситом», говорил: «Тонь, ну повесели как-нибудь», и мама, не самая веселая в мире женщина, терялась в бессилии, не зная, что делать с этим человеком, который когда-то сам вытащил ее почти с того света. Мы же не в Германии, где отпевать в самих церквях не принято, чтоб никого не спугнуть, — у нас можно про смерть, даже нужно. Я рано узнала, что люди иногда становятся ангелами: со всех стен дома на меня смотрела с фотографий родная сестра — вечно шестнадцатилетняя.

Потом отец Михаил благословил маму между мной, монастырем и темным тоннелем, за которым — пустота, выбрать меня. Хочу надеяться, что это правильный выбор, отец Михаил не должен был ошибиться.

Вообще, к смерти в Никольской было отношение, как на войне, — без лишнего цинизма и без лишнего трепета, потому что все привыкли и еще знали, что это неприятно, но не навсегда. Когда-то в иконной лавке в церкви висела большая фотография, на которой — парад Барнаульского пехотного полка по случаю 300-летия Дома Романовых на площади возле Никольского храма. Длинная шеренга военных и штатских уходила куда-то в безвозвратную сибирскую зиму, терялась в снегах. Сейчас, когда я перебирала в памяти людей, которые могли бы поделиться воспоминаниями об отце Михаиле, осознала, что треть из них уже никогда не ответит на мои письма, что они просто встали в эту уходящую в вечную зиму шеренгу. Когда в одной барнаульской библиотеке отмечали пятилетие со дня кончины батюшки, после других вышел выступать Александр Михайлович Родионов, известный хитрец и кудесник. Он, в отличие от тонко настроенных прихожан с благодушными отзывами, казался разбойником, говорил, как всегда, остро (чего только стоит: «Отца Михаила осталось только елеем полить, так и совсем святым станет»), но вот теперь уже мы его вспоминаем. Еще на том вечере вспоминали одну женщину. Ее звали Вера Ворсина. Она, талантливый журналист, кроме всего прочего, запомнилась тем, что посетила курс лекций отца Михаила в воскресной школе для взрослых, как двоечник-второгодник, бесчисленное количество раз. Отец Михаил сердился, видя прячущуюся на подоконнике Веру Николаевну: «Вера, ну тебе-то зачем?», но ее можно понять. Мама вспоминает, что огромные потоковые аудитории университета во время лекций батюшки заполнялись до отказа, что, когда начинал говорить отец Михаил, происходила — нет — не магия, конечно (неподходящее слово для данного контекста), но какое-то чудо: время останавливалось, чернила в ручке застывали, студенты, старые прихожанки, бывшие коммунисты превращались в зрение и слух. Это очень редкий дар — заставить людей усомниться в своей системе, нажать на что-то, чтобы эта лестница, если уж не рухнула, то зашаталась, и человек вдруг осознал, что в его картине мира что-то не так, нет какого-то главного звена, электрическая цепь не работает. Отец Михаил мог не то чтобы помочь поверить в Бога (кто бы сомневался, кроме меня), но научить видеть Его во многом, в страшном и сложном в том числе. Может, потому что сам умел видеть Его в мордовском лагере строгого режима, в урывочных свиданиях с тогда еще не матушкой, а просто женой, в бесконечно сменяемых сибирских городах, в смерти детей, своих и не только. Это не очень правильно, что

После рукоположения. 1979. Фото из архива семьи Капрановых

Во время чтения приговора из зала заседаний Михаилу Капранову прилетел букет ландышей. Это был едва ли не единственный случай того времени, когда заключенный отправился на зону с цветами

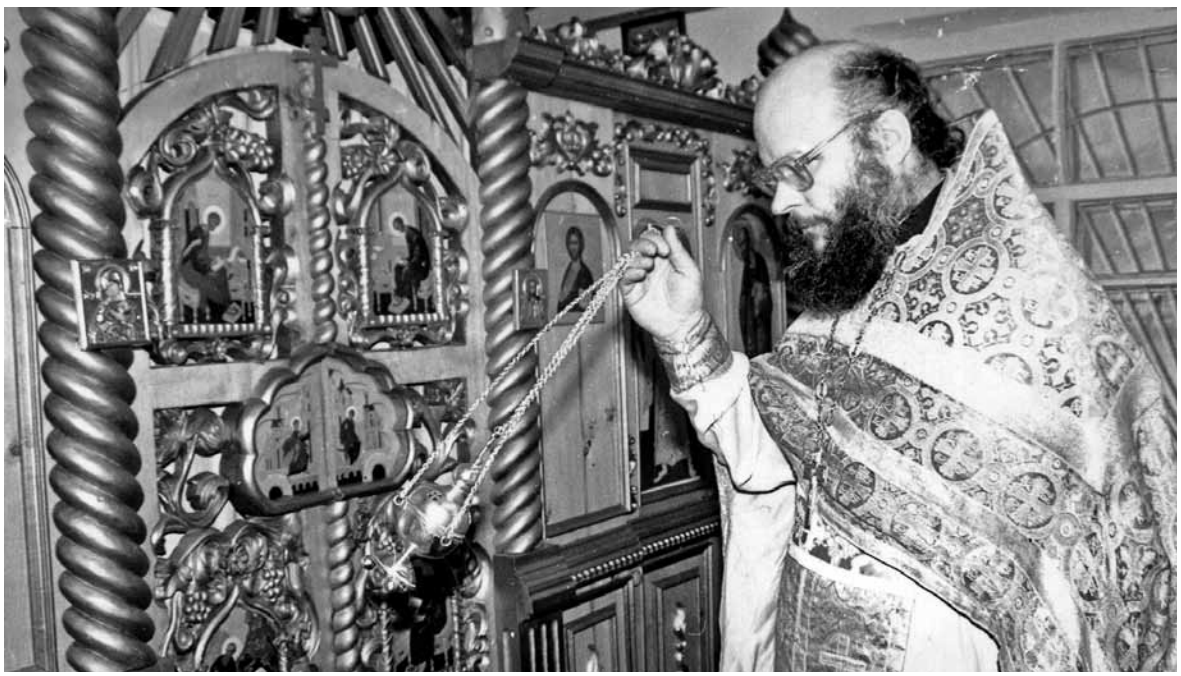
я порой меряю свою жизнь его жизнью: мерка велика, не по плечу. Но я все думаю, что я бы не выдержала, не смогла, запнулась бы где-то.

Мне кажется, что многое в жизни отца Михаила было как бы «вопреки» и «благодаря» в одно и то же время: увлечение религией как реакция на введенный и притом интереснейший курс научного атеизма в университете, возникшая любовь между ним и Галей Беловой как следствие спрятанных глаз и непротянутых рук товарищей, испугавшихся того, что тень отчисленного студента с сомнительными политическими взглядами вдруг нечаянно ляжет на них. Это банально, но любовь и вера действительно спасают от любого тлена и разрушения, нет просто еще сильнее противоядия. Неслучайна, наверное, эта напрашивающаяся параллель с судьбами декабристов, секрет выживаемости которых, быть может, крылся в их женах, как неслучайно, наверное, и то, что финальной точкой в служении отца Михаила стал храм во имя Николая Угодника, «уполномоченного» по вопросам странствий.

Единственное, о чем я жалею, так это о том, что отец Михаил не дождался, пока я вырасту, мне было бы о чем спросить его, а теперь по всем спорным позициям — прочерк, как в тетради на контрольной, к которой не подготовился. Я бы бежала за ним, как за уходящим поездом, и выкрикивала свои глупые, несуразные вопросы, а он отвечал бы только жестом, только взглядом, и я ловила бы их, как задыхающийся бегун ловит воздух в конце дистанции.

Но когда-нибудь я стану такой взрослой, что за одним овальным столом в квартире с выступающим эркером на Октябрьской будем опять сидеть все мы, красивые и веселые: отец Михаил, матушка, две девочки с итальянскими глазами, водитель Юрочка, Витя-звонарь, Родионов, моя молодая мама, сестра, я и много еще кто. Отец Михаил будет читать стихи поэтов Серебряного века, как читают только влюбленные первокурсники, цитировать историка Соловьёва, просить одну женщину спеть «Таганку», а когда она, наконец, запоет, смешно промокать лысину и рыдать в ладошку, отвернувшись; Родионов, конечно же, — острить и спорить, кто-то — тихо слушать. Но до этого мне нужно еще много пережить и перечувствовать.

И, наверное, неспроста то, что человек, который всю жизнь не любил электрические лампочки, там, в самом конце, увидел свет, совсем не страшный и совсем другой. И вообще, человек человеку свет, не сомневайтесь.



Знаменская церковь. 1993. Фото из архива семьи Капрановых

* * *

Пётр Анисифоров, архитектор, председатель правления Алтайской организации Союза архитекторов России:

– В 1988 году мы с другом архитектором Владимиром Золотовым готовили проект храма в Москве к конкурсу в честь 1000-летия крещения Руси. Храмовая архитектура привлекала меня со студенческих лет, потому что в ее простом, аскетичном облике всегда крылась какая-то особенная сила. Когда готовый макет стоял на столе, я понял, что его отправлять нельзя. С просьбой о помощи я обратился к другу Александру Родионову: «Представляешь, архитектурно все есть: расстояние, масштаб, а духовной силы нет». Александр Михайлович сказал, что в Барнаул как раз недавно приехал отец Михаил Капранов, высланный из Красноярска с «похвальной грамотой» за «отрицательное» влияние на писателя Виктора Астафьева. Я подумал, что это, получается, как орден тебе дали, — признали, что влияешь на великого писателя. Мне устроили встречу с отцом Михаилом. Недалеко от их дома играли дети в песочнице, ко мне подбежала девочка, дочка батюшки, протянула цветочек: «Вы — дядя Петя? Папа Вас ждет». Я невольно сравнил ее со своим сыном, удивился открытости и доброжелательности — бросить игру, чтобы поприветствовать незнакомого человека. Я понял, что

это другой мир. Я рассказал отцу Михаилу о своей проблеме, показал литературу, которую читал раньше. Батюшка в усы улыбается. Очень умные, с искоркой, глаза. Сказал, что не стоило читать эти книги русскому православному человеку, подобрал другие. Я воодушевился. Первый раз я общался со священником и понял, что в этом огромном историческом и культурном пласте ничего не понимаю. Со временем наши отношения переросли в искреннюю дружбу. Я очень благодарен ему за то, что он ввел меня в мир православия, и не только меня, но большой круг художников, писателей, которые собирались на курсах катехизации, в храме, у него дома. Отец Михаил — это целая эпоха.

Любовь Шамина, искусствовед, член Союза художников России:

– Для меня отец Михаил Капранов был, как ясное солнышко, появившееся на пустом горизонте. Мы познакомились с батюшкой в художественном музее, где я тогда работала директором. Отец Михаил был всесторонне образованным человеком, читал в музее лекции, и они всегда воспринимались с живым интересом. Батюшка очень любил живопись, был дружен с нашими художниками. Многие столкнулись с батюшкой в горе, например, художник Юрий Борисович Кабанов, как мне признался, сблизился с ним после потери сына. И именно с задушевных бесед с отцом Михаилом началось его духовное выздоровление. В конце 1998 года у меня самой случились четыре беды, одна за одной: погиб брат, мама, не пережив трагедии, тоже умерла, на второй день после маминых похорон погиб под колесами машины муж, мне пришлось уйти с работы в никуда. Не было сил, я обратилась к батюшке: «Что мне делать? Я умираю». Отец Михаил по-доброму посмотрел на меня и сказал: «Никакие лекарства в Вашей ситуации не помогут, Вам надо просто на колени перед Господом упасть». Но я была от этого очень далека, выросла в советское время. Мы были активными комсомольцами. Я честно ответила отцу Михаилу, что не смогу еще и потому, что мне иногда приходилось сталкиваться с некрасивыми поступками некоторых священников и у меня нет доверия к ним. Тогда он мне сказал, что нужно идти в церковь не к священнику, а к Богу и просить Его о помощи, а священники за свои грехи ответят сами. Он сказал, что я могу прийти просто в пустую церковь и общаться с Богом даже без слов, потому что с Богом можно общаться и молча. Я так и сделала, хотя вначале не верила в то, что действительно поднимусь и буду жить наполненной жизнью, но моя молитва помогла и жизнь наладилась. И отец Михаил стал частью моей жизни, у нас были замечательные отношения.

В тот год, когда у меня случилось несколько трагедий, батюшка побывал в Иерусалиме и привез мне оттуда маленький деревянный крестик, приложенный ко Гробу Господню. Я берегу его до сих пор и, когда молюсь утром и вечером, достаю, всегда вспоминая отца Михаила. И сейчас, когда говорю о нем, у меня в душе столько нежности, благодарности, добра. Я понимаю, что выжила благодаря сближению с ним.

Наталья Комарова, певчая клироса:

– Я познакомилась с отцом Михаилом в Покровском соборе. Он стал служить там после того, как приехал из Красноярска, а я пела на клиросе. К нему сразу потянулись прихожане. Батюшка ввел такую практику: после воскресной вечерней службы он отвечал на вопросы людей. Это были вопросы как по истории, культурологии, так и просто на бытовые темы, при этом отец Михаил всегда давал глубокие, даже мудрые ответы.

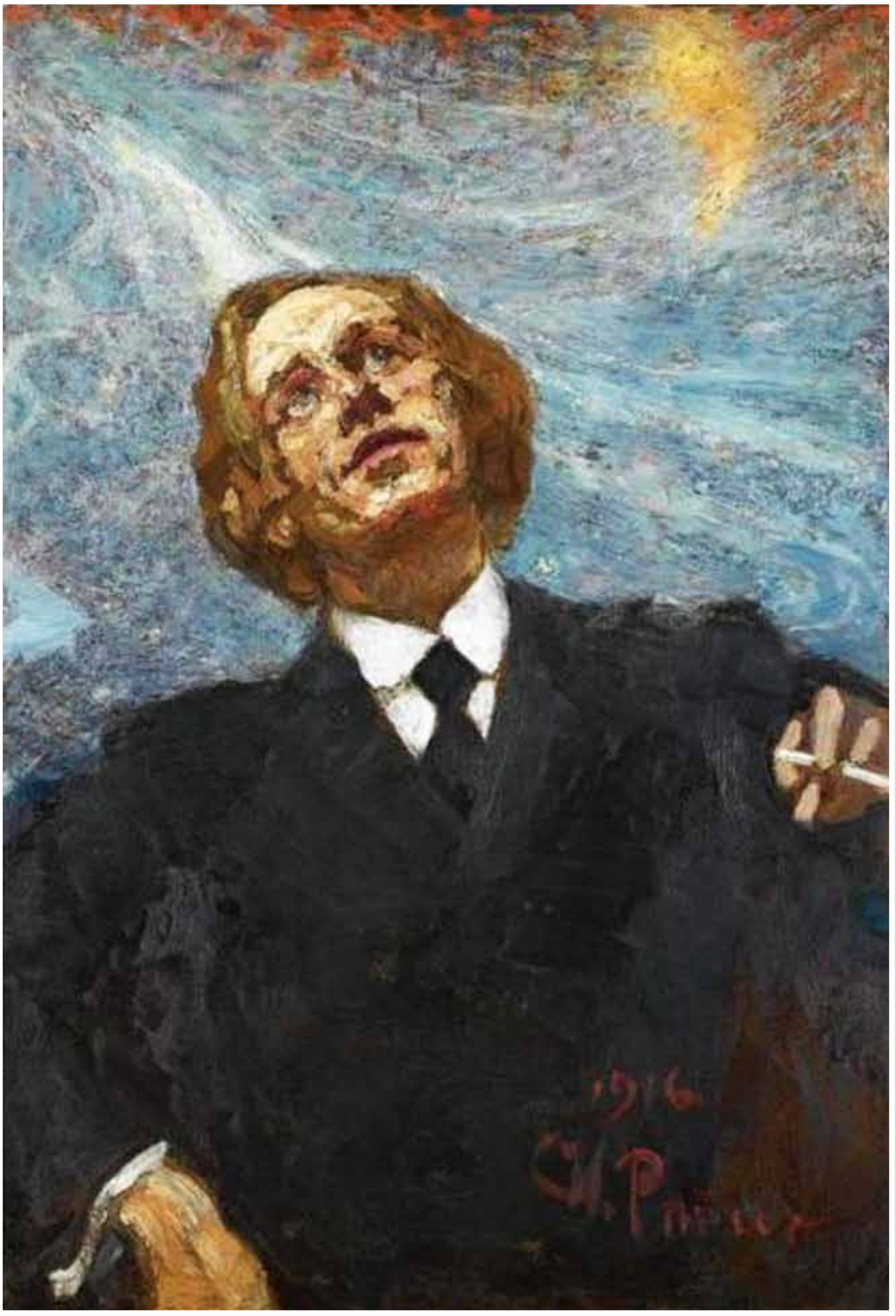
В конце концов, желающих получить знания стало очень много, и он вместе с отцом Александром Войтовичем организовал курсы катехизации, но слушателей все прибывало, их было больше, чем могло вместить здание при Покровской церкви. Кроме того, были открыты детская и взрослая воскресные школы. Вузы города стали пускать нас в свои аудитории для занятий.

В классическом университете на вновь созданном отделении теологии отец Михаил читал курс лекций. Батюшка очень радовался, когда за ним в церковь потянулись молодые семьи с детьми, студенты, и говорил: «Слава Богу! Мы рано или поздно уйдем, а за нами в церкви останется молодежь, которая продолжит наше дело». Когда его поставили настоятелем Никольской церкви, он пришел туда с уже сформированной православной общиной. Многие из его учеников были рукоположены в священники. Общиной Никольской церкви велась благотворительная деятельность: дети ездили с концертами в дома престарелых и детские дома, взрослые взяли шефство над тюрьмами и колониями. А как батюшка говорил проповеди! Не по бумажке, не заученно, а своими словами, которые шли из самого сердца. Одну притчу, услышанную на проповеди, я запомнила на всю жизнь: «Человек поднялся на гору и встал рядом с Господом. Смотрит вниз, а на песке остались глубокие следы от одной пары ног. По следам было видно, что идущему было очень тяжело. Человек тогда спрашивает: "Господи, шли-то мы вместе, а почему след один?" Господь отвечает: "Нет, это я шел один и нес тебя на руках"». После этих слов батюшка так искренне заплакал, что от слез не могли удержаться и все слушавшие его. Очень глубока была его вера, невозможно было не поверить вместе с ним, не пойти за ним вслед и не полюбить Господа и людей так же, как любил отец Михаил.

Протоиерей Александр Новопашин, настоятель собора во имя князя Александра Невского (г. Новосибирск):

– С отцом Михаилом Капрановым и с его семьей меня связывала тесная дружба, мы познакомились задолго до того, как он переехал из Красноярска в Барнаул. Отец Михаил — человек многогранный, прошедший через горнило испытаний, узник совести, очень эрудированный, тонко чувствующий, интеллигент, подвижник правды Божией. Он был настоящим пастырем, не тем, кто служит от сих до сих и совершает требы, а действительно нес пастырское служение не только словом, не только внешним отличием в ношении священных одежд, но всей своей жизнью. Я не знаю ни одного человека, кто бы равнодушно или недоброжелательно отозвался об отце Михаиле. Мне приходится много ездить по стране, и когда люди узнают, что я служил в Барнауле и знал отца Михаила, они буквально расцветают в улыбке, о нем многие слышали. Отец Михаил без остатка отдавал себя Церкви Христовой, не теряя ответственного отношения к своей семье, а мы знаем, что в нашем бурном мире бывает так, что человек отдает всего себя какому-то делу, а близкие страдают от недостатка внимания, но отца Михаила действительно хватало на все.

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке материала семье Капрановых, Антонине Батюк, Фёдору Клименко.



И.Е. Репин. ***Портрет Константина Константиновича Олимпова (Фофанова).*** *1916*

Известный факт: в Барнауле, будучи в эвакуации, умер поэт Вадим Шершеневич (1893–1942). Его надгробие сохраняется на Булыгинском кладбище. По некоторым сведениям наш город стал последней пристанью еще для одного яркого представителя Серебряного века и крестника знаменитого Ильи Репина, поэта-футуриста Константина Олимпова (1889–1940)

Где покоится «Самодержец Вдохновения»?

текст ***Евгений Платунов***

Константин Олимпов родился десятым ребенком в семье поэта Константина Михайловича Фофанова и воспитанницы Смольного института Лидии Тупылевой. Этот брак, по семейному преданию, благословил сам Иоанн Кронштадтский, к духовной помощи которого порой прибегали люди самые неожиданные. В 1888 году Константина Фофанова за публикацию стихотворения «Таинство любви» (1885) Святейший Синод грозил отлучить от церкви. То есть такая угроза нависла над поэтом еще задолго до отлучения Льва Толстого. Его невеста служила гувернанткой в доме кронштадтского купца. Фофанов писал в воспоминаниях: «Моя жена, воспитанная с детства в строгих церковных началах, в девушках часто подумывала пойти в монастырь. За советом, между прочим, она обратилась и к отцу Иоанну Кронштадтскому. Батюшка не одобрил ее намерения.

— Не в монастыре надо спасаться, — строго заметил он ей, — а в миру надо спасаться!

Когда же через несколько времени его духовная дочь была помолвлена за меня, она снова обратилась за советом к своему глубокочтимому духовнику.

Теперь он одобрил ее намерение.

– Женщина спасется чадородием, — сказал он ей убедительно.

Жена моя еще колебалась в выборе жениха и, слыша обо мне нелестные сплетни, сообщила и об этом кронштадтскому Батюшке.

– Все равно — пусть хоть и пьет, — выходи за него! Это твое назначение.

И еще раз повторил, что женщина спасется чадородием».

Константин Михайлович Фофанов дважды встречался с отцом Иоанном. Первый раз это случилось в 1882 году, когда отец Иоанн еще не был «всенародным батюшкой»: «Мне надо было быть тогда летом по одному личному делу в Кронштадте. Но лица, к которому я приезжал, я не застал дома. Пароход ушел, и меня застала ночь под открытым небом. В досаде и горе я присел на скамье бульвара и задремал. Все уже было тихо и пустынно; должно быть, приближался рассвет. Вдруг я заметил: поспешной походкой пробирается по тихому бульвару невысокого роста человек в темной, коричневой рясе.

– Что ты? — строго и отрывисто спросил он меня.

Я опешил: необыкновенная участливость прохожего дьякона или священника удивила меня. Он стоял минуты две, поговорил со мной, хотел выразить свое участие денежной помощью. Я отказался. Он нервно зашагал вперед».

Вторая встреча состоялась в 1901 году. Один знакомый поэту священник представил его отцу Иоанну. Тот провел его в алтарь на исповедь.

«После нескольких незначительных фраз, к моему удивлению, отец Иоанн сказал вкрадчиво:

– Говорят, что ты пьешь... но ты не пьяница!.. Бросить можешь! Только враг тебе завидует, потому что твой дар от Бога! У тебя большой дар! — глядя утвердительно и странно, повторил он — продолжал, волнуясь и повышая голос: — А враг завидует и вот так и хочет тебя в бездну!.. в бездну!.. в бездну бросить!.. вот так и крутит, потому что завидует Божьему дарованию».

Максим Горький оставил такого рода впечатление о Константине Фофанове: «Он был невыносимо, до страшного жалок, всегда пьяный, оборванный и осмеиваемый, но, как бы ни был он сильно пьян, его небесно-голубые глаза сияли именно так, как это изобразил Илья Репин. Вероятно, так смотрел на мир Франциск Ассизский».

Илья Репин написал портрет Константина Михайловича Фофанова в 1888 году, тогда же этот портрет был

приобретен известным промышленным тузом Рябушинским за солидную сумму — 5 тысяч рублей. Судьба этого произведения неизвестна, в годы революции оно было вывезено за границу.

На протяжении тридцати с лишним лет Репин находил время и силы, чтобы устраивать Фофанова-отца в больницу, когда тот заболевал. По мнению литературоведа Сергея Сапожкова, именно Фофанов-старший был лидером группировавшегося вокруг Репина кружка литераторов. Период с 1887 по 1894 год называли даже «фофановским». Сапожков пишет: «А Игорь Северянин пошел еще дальше и обозначил данный временной промежуток как «эпоху Фофанова». Лидерство поэта, «миннезингера наших дней», было признано многими авторитетными критиками и писателями переходной поры, такими разными по эстетическим воззрениям и масштабу дарования, как Пётр Краснов и Василий Розанов, Михаил Меньшиков и Дмитрий Мережковский, Семён Надсон и Аполлон Майков, Николай Лесков и Лев Толстой, Александр Измайлов и Валерий Брюсов...»

Илья Репин благосклонное внимание к поэту-отцу Константину Фофанову (1862–1911) перенес и на поэта-сына, Константина Фофанова, который выступал под звучным псевдонимом «Олимпов» и был крестником Ильи Ефимовича.

***

Дата первого портрета, выполненного Репиным с Олимпова, точно датирована исследователем Института мировой литературы Верой Терехиной в публикации «Маяковский по-репински» («Литературное слово», № 2, 2003): «Известна портретная зарисовка с Олимпова, сделанная Репиным в Пенатах 27 августа 1913 года».

Константин Олимпов упоминает этот свой первый репинский портрет, выполненный пером, тушью, в стихотворении «Флейта Славы».

Я От Рожденья Гениальный—
Бог Электричеством Больной.
Мой В боге Дух Феноменальный
Пылает Солнечной Весной.
Сплетая Радуги Эона,
Огни Созвездий Сотворил.
Давно-Давно От Ориона
Пути Вселенных Искрылил.
И На земле Явился В Нервах,
Сверкая Сердцем Красоты.
Строфами Светозарных Перлов
Спалил толпу Грозой Мечты.
Войдя В Экстаз — Великолепен —
В «Пенатах» Пением Звучал.
Тогда Меня Великий Репин
Пером Великим Начертал.
Я — Самодержец Вдохновенья,
Непогрешимец Божества.
Собою Сам, Творец Творенья,
Бессмертной Жизни— Голова!

1 мая 1914 года

Местонахождение первого репинского рисунка Олимпова исследователями творчества художника не уточняется. Второй портрет «Поэт-футурист», выполненный Репиным в 1916 году, написан маслом и впервые представлен публике на 45-й Передвижной выставке 1917 года. Работа воспроизведена в журнале «Нива» (1917, № 39, С. 590). С портретом, к слову, произошел курьез: много лет спустя искусствоведы пытались на нем опознать... Маяковского.

В 1928 году Репин в письме Владимиру Зеелеру, секретарю Союза русских писателей в Париже, удивляется на своего крестника: «Сын поэта Фофанова, мой крестник Костя, открыто печатает о себе самом, что он: Родитель Мироздания... Что же может быть выше? Ведь это вселенная, а он — Костя — Вседержитель».

***

В «Материалах к биографии Константина Олимпова», опубликованных в 1997 году Алексеем Дмитренко в альманахе «Минувшее», приводятся воспоминания Владимира Смиренского: «У него были правильные и тонкие черты лица, и несмотря на плохие зубы, он был красив. У себя дома Олимпов был крайне гостеприимен. Он любил угощать и угощал несколько необычно. Подавая, например, на стол гречневую кашу, он убеждал:

— Ты ешь, гречневая каша укрепляет мозг.

Наливая чай, советовал:

— Побольше клади сахару, сахар придает эластичность нервам.

Константин Олимпов

Предлагая овсяный кисель, говорил, что этот кисель придает ногам бодрость. В каждом блюде он находил какое-то особое, подчас ему одному известное, свойство. В гостях же он, наоборот, был на редкость стеснителен, тих и скромен. И мне, опять-таки, всегда казалось странным это второе лицо Олимпова, отчаянного скандалиста и крикуна. В гости он приходил в сюртуке, причем, если на дворе была зима, то с сюртуком он ухитрялся сочетать валенки».

Историк русского авангарда Андрей Крусанов в своем фундаментальном исследовании «Русский авангард: 1907–1932» (1996) дает подробности непростых, мягко говоря, отношений поэтов-авангардистов с представителями власти в 1920 годы. Привычный эпатаж Олимпова был выражен однажды в своеобразной попытке получения отзыва на свое творчество от всесильного еще тогда лидера партийной организации Ленинграда Григория Зиновьева. «Ваше молчание сочту за слабость мысли перед моим величием», — написал поэт партийцу. Крусанов рассказывает о дальнейших действиях партийного вождя: «Зиновьева же, по-видимому, что-то задело, потому что он прямо на листовке наложил такую резолюцию: «Выяснить, кто такой Олимпов, и не сумасшедший ли он?» Вскоре после этого к дому, где жил Олимпов, подъехала карета, и Олимпова увезли в диагностический институт, где он пробыл на испытании с неделю».

Заключение врачей свелось к следующему: «Олимпов страдает переразвитием отдельных умственных способностей, в частности — памяти, но, вообще, нормален».

Григорий Зиновьев прошелся по футуристам еще в 1919 году, отметив: «Мы позволили одно время нелепейшему футуризму прослыть чуть ли не официальной школой коммунистического искусства. Мы позволили некоторым сомнительным элементам примазаться к нашим Пролеткультам. Этому пора положить конец».

***

Со страной, провозгласившей в октябре 1917 года коллективизм во многих сферах жизни, эгофутурист явно шел не в ногу. Знаток старины Санкт-Петербурга — Петрограда — Ленинграда Валентин Привалов в книге «Улицы Петроградской стороны. Дома и люди» (2013) пишет о последних годах жизни Олимпова: «...Восторженно встретив октябрьские события 1917 года, добровольцем служил в Красной армии. Затем был коробейником, работал на бойне, в середине 1920 годов — управдом, в 1930 году — чернорабочий на Кишзаводе в Ленинграде. 18 сентября 1930-го арестован по делу об «антисоветской группировке среди части богемствующих писателей г. Ленинграда». 2 января 1931 года осужден на три года. В феврале 1931-го повторно осужден по делу «антисоветской нелегальной группы литераторов «Север» на 10 лет. 17 августа 1938 года освобожден. 17 января 1940 года скончался в Омске. В 1989-м Олимпов был реабилитирован».

Здесь для нас более всего интересно указание на Омск как место смерти поэта. Это спорная информация. Так, например, Анатолий Марков в книге «Магия старой книги: записки библиофила» (2004) приводит иную запись о смерти Константина Константиновича Олимпова. Автор цитирует письмо сестры поэта — Екатерины Фофановой-Устиновой: «Брат Костя был любимым сыном папы. Эгофутурист, известный в печати как Конст. Олимпов — «Родитель Мироздания». Умер в Барнауле 17 января 1940 года. Костя был крестником И.Е. Репина. Его портреты имеются в трудах И.Е. Репина. Устинова-Фофанова. 1954 г. 27 августа».

И.Е. Репин. ***Портрет Константина Михайловича Фофанова.*** *1888*

Екатерина Константиновна много лет хранила архив отца вместе со сборниками его стихов, а также обширный архив (свыше 4500 единиц хранения) брата. Как наследница двух поэтов и свидетельница былых литературных страстей, она, думается, знала точно, где умер ее родной брат. Барнаул называет местом смерти Олимпова и поэт Владимир Смиренский (1902–1977), печатавшийся под псевдонимом Андрей Скорбный, он был шафером на первой свадьбе Константина.

Что касается посмертной реабилитации Олимпова-Фофанова, то фактически реабилитировали Константина Константиновича еще задолго до 1989 года. В публикации самого массового советского журнала «Огонек» в 1950 году искусствовед Илья Зильберштейн в рассказе о репинских портретах писателей привел воспоминания Олимпова об отце и его знакомстве с великим художником.

«Вопросительные знаки над могилами» — так назвал одну из своих брошюр конспиролог Герман Смирнов в эпоху перестройки. Вот и в Барнауле возник еще один вопросительный знак. Где был похоронен Константин Олимпов, на каком барнаульском кладбище — вот бы что узнать.

*Евгений Миронов и Константин Хабенский в фильме **«Время первых».** 2017*

Индустрия или искусство?

Как воспринимают кинопремьеры 2017 года критики и зрители

текст ***Вера Уразова***

Свершилось. Буржуазная киноиндустрия победила-таки советское киноискусство. В желании догнать и обогнать своего кумира — Голливуд, современные российские кинематографисты, перестали создавать фильмы, а дружно начали производить продукт, мерой успешности которого стали уик-энды. Потому что именно в конце недели одурманенный навязчивой рекламой потребитель несет рубли в кинотеатр.

Под колеса блокбастерной гонки бросили богатую историю родного государства. Войны всех времен, князей, священников, летчиков, спортсменов, полярников, поэтов.

В 2017 году отечественные киносценаристы особенно постарались. Здесь вам и былинные богатыри, по русским народным сказкам скачущие («Последний богатырь»), и царь, на коронации в обморок падающий («Матильда»), и космонавты, кувалдой все и вся ремонтирующие («Салют-7»).

Главным фильмом года продюсеры объявили фильм Алексея Учителя «Матильда». Режиссер и раньше не чурался нескромной фантазийности в своих картинах, достаточно вспомнить его «Край», однако новое произведение, в основе которого любовные метания последнего русского императора Николая II и выдающейся балерины своего времени Матильды Кшесинской, обрушилось на зрителя всей мощью бульварного романа. Действие настолько утомительно, а история настолько мелкая, что и обсуждать особенно нечего. Кроме того, что стоны белого движения о царе-страстотерпце кинематографистами не услышаны и мечты заграничных потомков династии Романовых о восстановлении монархии в России безжалостно растоптаны пуантами «Матильды».

Суть же фильма как художественного произведения оглашена устами главного героя: «Дамы и господа, ради вашего развлечения и удовольствия, первая официальная демонстрация синематографа в России вертящимся способом».

С неменьшим размахом в этом году кинематографисты вертели на центрифуге и отечественную космонавтику. Сразу два фильма, скроенных практически по одному лекалу, вышли весной и осенью. «Время первых» режиссера Дмитрия Киселёва и «Салют-7» режиссера Клима Шипенко. Надев патриотические скафандры, но используя обязательные для современного российского кино сценарные месседжи: «не благодаря, а вопреки», «яркая личность против порочной системы», авторы героических блокбастеров объединились в борьбе с «проклятым советским режимом».

Звериный оскал «тоталитарного монстра» то и дело появляется по ходу повествования фильма «Время первых» — в лице генерала Каманина, периодически предлагавшего умертвить героев во имя высших

интересов страны, в воспоминаниях Леонова о своем драматическом детстве, в словах Королёва о кандалах, в которых веками летает наш народ.

Дополетная жизнь героев иллюстрирована бесконечной разухабистостью Леонова и статичной обреченностью Беляева. Актеры ходят в чужих необжитых костюмах, они выглядят ряжеными, то есть нашими современниками, на которых напялили костюмы другой эпохи прямо перед съемкой.

И только фигура Главного Конструктора заставляет верить происходящему. Королёв в исполнении Владимира Ильина — личность титаническая, яркая, фактурная. Именно этот персонаж держит картину и зрителя в кинозале, зритель мечтает все-таки дождаться чуда. И оно наступает. Человек покоряет Вселенную. Звук, спецэффекты, операторские приемы завораживают зал. Драматизму космических событий невозможно не сопереживать. Хочется остаться с этим ощущением восторга, выйти с ним с киносеанса, но в фильме «Время первых», к сожалению, длинный придуманный финал хоронит под снежными заносами даже воспоминания о чуде.

А ведь работа над фильмами, в основе которых лежат судьбы реальных персонажей и реальные события, предъявляет авторам серьезные требования. По крайней мере, так должно быть. Но не в случае с производителями нового российского кинопродукта.

Создатели картины «Салют-7», взяв за основу историю спасения советской космической станции, изменили фамилии всех главных героев, оставив подлинными имена. Так, командир корабля, дважды Герой Советского Союза Владимир Джанибеков стал Владимиром Фёдоровым, бортинженер, дважды Герой Советского Союза Виктор Савиных — Виктором Алёхиным, а руководитель полета дважды Герой Советского Союза Валерий Рюмин — Валерием Шубиным. Этот нехитрый ход обеспечил авторам право на сценарные домыслы. И понеслось: злой коммунистический режим принуждает сбить станцию вместе с экипажем, воровaтые американцы намереваются стащить неуправляемый космический объект с помощью шаттла, герою являются ангелы в открытом космосе.

Конечно, кроме всего этого в фильме есть место и подвигу, и хорошей шутке, и песне, соответствующей эпохе. Но драматургических ходов так мало, что события, происходящие на земле, малоинтересны, например, эпизоды с женами примитивны и ими можно легко пожертвовать. Даже буйное поведение руководителя полетов не спасает ситуацию.

В космосе драматизма больше. Сцена, в которой герой Владимира Вдовиченкова делает выбор — выжить самому или спасти друга, — самая эмоциональная, она рвет душу.

В целом же смешение правды и вымысла в «Салюте-7» сыграло с фильмом злую шутку: драматургия с треском проиграла технологиям. Работа оператора-постановщика Сергея Астахова и художников картины Павла Новикова, Сергея Тырина превзошла работу не только сценаристов, но и режиссера. Сцены в невесомости убедительны. Космическое пространство великолепно. Закаты, восходы, облеты, Земля — настолько красивы, что оказываются главным в фильме.

При всем старании создателей фильм не правдив, а правдоподобен. Может быть, авторам стоило отказаться от привязки к реальной истории, а выдумать свою. Без полунамеков и недосказанности. И тогда, понимая эту условность, зритель бы принял то знание, которым создатели фильма хотели поделиться.

Впрочем, винить во всем сценаристов и режиссеров в сегодняшних условиях не совсем правильно, поскольку киноиндустрия не рассматривает их в качестве творцов, создателей произведений искусства, чья миссия — воспитание чувств и формирование поведенческой модели высоких целей. В коммерческом кино они исполнители чужой воли, просто наемные работники.

Культурная потребность современного зрителя в правдивых художественных образах мала, и он просто радуется уже тому, что наконец-то героями фильмов стали не асоциальные персонажи, а космонавты, спортсмены, полярники. Но поданные в извращенном контексте, героические страницы нашей истории не просто обесценивают подвиг, а деформируют патриотическую идею в целом.

Уже через несколько лет повзрослеет и сформируется попкорновое эгоцентричное поколение кинозрителя, с очищенным от знаний отечественной истории сознанием. И тогда упакованная в красивую, даже изящную обертку полуправда о нашем прошлом принесет результат. Посмотрите фильм Андрея Звягинцева «Нелюбовь» и, может быть, вам тоже станет по-настоящему страшно за наше будущее.

Ирина Чанцева, предприниматель (г. Барнаул):

– Только что вышла с просмотра «Матильды». Выхода фильма ждали всей семьей два года. В нем снимались мои дочки. Если взять лупу и растянуть на экране фото из фильма, где две сотни девушек в балетных пачках стоят на лестнице, ведущей к Камероновой галерее, то в первой линии справа стоит моя младшая, а в одной линии с Матильдой моя старшая. Снимали эту сцену весь день! Все девчонки дрожали от холода. Девять градусов тепла. Девочки в легких пачках. На ногах у первых рядов пуанты. Им казалось, что ножки примерзают к гранитной лестнице. Практически все девочки из балетных студий, с балетным прошлым или настоящим. Все в своих пуантах. Каждой делали прическу и накладывали грим около часа. «Мадемуазель! Вы краса и гордость русского балета! Улыбайтесь!» — такая фраза должна была звучать в момент фотографирования. Вырезали. Куда-то исчез модный фотограф на деревянных роликах, про которого рассказывали вечером девочки, когда мама наливала им коньячка, чтобы не заболели. Артистки так замерзли, что обе не узнали в гриме Евгения Миронова, с которым были вместе на съемочной площадке. Вот так приобщились к кинопроизводству! Потому что написать, что к киноискусству, после просмотра рука не поворачивается никак.

Ольга Наумкина, сотрудник СМИ (г. Барнаул):

– «Салют-7». С вечернего сеанса люди выходили под песню Высоцкого «Корабли постоят и ложатся на курс..» ... Молча. И даже та семья с пухлым мальчиком лет 12–13, что пришла в зал «подготовленной» с попкорном и большими стаканами колы — и они идут молча. Вцепились крепко-крепко в стаканы с газировкой и идут по темной улице от кинотеатра «Мир». И молча идут. Потому вцепились они со всей силы, что боятся расплескать не сладковатую водичку, а Время Лучших, к которому прикоснулись благодаря фильму.

И бережно так молчат, по-настоящему, потому что из души они не хотят ни капельки расплескать того, что им и принадлежало всегда, — истинный масштаб страны, в которой они родились.

Искус кино

Кино так основательно и прочно вошло в жизнь человечества, что мы уже и не понимаем, как без него можно жить. Оно с нами повсюду. Оно с нами всегда. С детства и до гробовой доски. Теперь уже не только в каждом доме — в телевизоре, но практически и в каждом кармане — в разных гаджетах и приспособах

Павел Фокин,
писатель, директор дома-музея М.Ю. Лермонтова

Кино нас развлекает и учит. Утешает и наставляет. Рассказывает были и небылицы. Веселит и пугает. Оно все видит. Оно все знает. Нет ни одной сферы жизни — да что там сферы! — ни одного уголка и закоулочка, куда бы ни заглянуло кино. Ни одной тайны, никакого чуда, ничего святого не осталось без присмотра кинематографа. Всесильного и всевластного. Ему и море по колено, и сам черт не брат. Ему все позволено.

А более всего позволено разрушать. Обращали ли вы внимание, что кино — одна из самых разрушительных и разрушающих областей человеческой деятельности. Разрушительнее только война. Но войну все осуждают. С войной все время борются. А за фильмы дают премии и награды. Кино престижно, его поддерживают и поощряют. Но посмотрите любой фильм, и вы непременно обнаружите, что тот мир, который предстает в его начале, к финалу будет непременно разрушен — почти всегда тотально. Физически или морально, а то разом по всем статьям. Можно не сомневаться, что если вам крупным планом показывают чашку, она обречена — вскоре она будет разбита вдребезги. Стол, на котором она стоит, покрошен в щепы. Дом — развален по камушку. От города останется пепелище. Планета разлетится осколками во вселенной. Мальчика побьют. Девочку изнасилуют. Женщину измордуют. Мужчину убьют. А потом они все дружно восстанут и замочат своих врагов. (Напоминаю: физически или морально, а то и разом.)

Разрушение — главный закон кино. Кино ведь — зрелище, а что зрелищнее разгрома и разврата? Взрыва? Драки? Убийства? Что может быть эффектнее и динамичнее? Ужели «дольней лозы прозябанье»? Строительство, созидание, труд? Так долго, так медленно, так скучно. О том, что «Звезду смерти» строят, нам только говорят, а вот, как ее торпедируют и уничтожают, показывают детально. Ладно, «Звезда смерти» — объект картонный, а сколько реальных объектов уничтожается при съемках. Даже самых невинных мелодрам и детских сказок. Тех же несчастных чашек, столов, домов, автомобилей! О боевиках и катастрофах что уж говорить! Алексей

Герман в свое время ради эффектного девятисекундного эпизода не смутился взорвать средневековый замок Рагнит!

Кино так в нас укоренилось, что мы не замечаем очевидного. Не вникаем в привычное. А стоит.

Кино пришло в мир под видом правды — в обличии документальной хроники, поразив первых зрителей жизненностью и достоверностью. И они поверили. Признали за истину. А буквально на другой день после «Прибытия поезда» появилось игровое кино — и это была история обмана («Политый поливальщик»). И зрители поверили в него еще больше. Кино победило человечество за две минуты! Раз и навсегда. О том, какие силы вошли в мир в лучах кинопроекторов, мир и представить не мог. Хотя почему бы не догадаться, когда имя братьев Люмьер так откровенно рифмуется с именем поверженного ангела-богоборца?

«Да будет свет!» И стал свет. Господь творил мир словом семь дней. Кино тоже претендует на светоносную природу. Но лишь затем, чтобы мир рушить. Ибо свет кино — это краденый свет. Искушающий и обольщающий. Дарующий иллюзии и обман. Уносящий в иной мир. Свет порабощенный, искаженный и изнасилованный. Свет, обращенный в тень. Свет, отнимающий жизнь. Тот свет. Ставящий все под сомнение. Обращающий все в мнимость. Любовь, смерть, бессмертие. Вместо воскресения предлагающий повторный сеанс.

Кино никогда не признает правды жизни. Ему с правдой не по пути. Ему с жизнью не по пути. Оно — лишь подобие (даже не отражение!). И как всякое подобие оно жаждет быть значимее оригинала. Больше, лучше, ярче. IMAX 3 D. Dolby surrounds. И если жизнь прекрасна, то кино сделает ее призрак еще прекраснее. А если страшна, то в кино — непременно страшнее. И даже обыкновенное повседневное — повседневнее обыкновенного! Все равно что, лишь бы быть главнее, чем жизнь.

Последовательно и неуклонно кино подменяет жизнь. Создает невероятные сюжеты. Немыслимые ситуации. Несуществующие технологии. Небывалых героев. Невиданных тварей.

Чем дальше, тем больше нечисти приходит в мир с экранов кино. Дракулы, вампиры, кинг-конги. Фантомасы, джеймс бонды, джеки воробьи. Супермены, бэтмены, спайдермены. Орки, хоббиты, эльфы. Скайвокеры, терминаторы, риддиги.

Чем дальше, тем откровеннее и наглее идет наступление на живую жизнь. На память. На совесть. На стыд. Искажается прошлое, настоящее, будущее. Факты, лица, обстоятельства. Тотально перемалывается все. Кино поглощает действительность с ненасытностью паразита.

Вот уж поистине искусство от лукавого.

И если в начале было Слово, то в конце всего — искус кино.

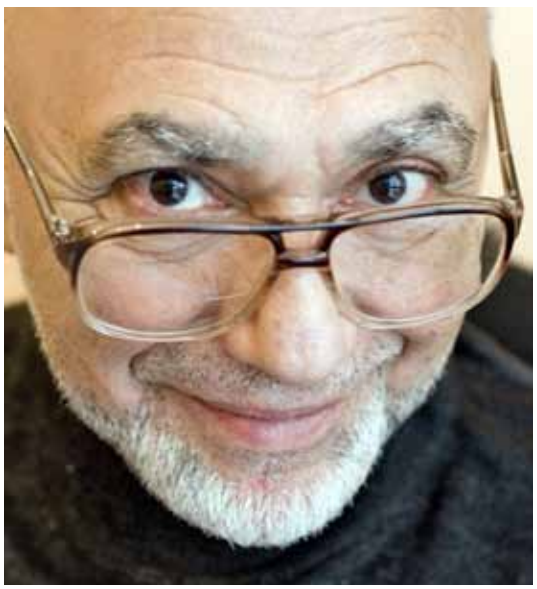
В когорту талантливых сценографов, работавших в 1980 годы над постановками Алтайского театра кукол, входил Александр Толмачёв. При составлении Театральной энциклопедии оказалось, что в наши дни о нем известно совсем не много. Режиссер, заслуженный деятель искусств Украины Евгений Гимельфарб восполняет этот пробел

Театральная революция небанального художника

текст ***Елена Огнева***

Евгений Юзефович, вы подарили Алтайскому краевому театру кукол десятилетие своей плодотворной творческой жизни. Как случилось, что молодой режиссер, уже проявивший себя в театрах Рязани и Одессы, уехал в далекую Сибирь и возглавил Алтайский театр кукол?

В Барнаул я приехал в 1977-м. В те годы положение вещей было таким, что до Урала мне как представителю определенной национальности Министерство культуры «хлебного» места не давало. На одном из фестивалей театров кукол Урала и Западной Сибири мои друзья (небезызвестные Валерий Вольховский и Роман Виндерман— тогда главные режиссеры театров в Челябинске и Свердловске) познакомили меня с директором Алтайского краевого театра кукол Антониной Васильевной Яровой. Она и предложила мне должность режиссера. Главным я стал не сразу.



Евгений Гимельфарб, режиссер

В Барнаул со мной приехали: Валентина Самочкина, Николай Бойко и Лада Бойко, а впоследствии Сергей Столяров, Евгений Бондаренко, Сергей Куц и Николай Петухов. Мы все были выпускниками Харьковского института искусств, хорошо знали друг друга. Но главное— нас объединяла жажда творчески состояться.

Евгений Юзефович, на сцене Алтайского краевого театра кукол вами было поставлено около 30 спектаклей, в работе над которыми участвовали многие талантливые художники, в том числе такие ныне именитые, как Станислав Зайцев, Сергей Столяров, Эсфирь Варшавская. Но совершенно особенной была и остается история вашего сотрудничества с барнаульским художником Александром Толмачёвым. Насколько я знаю, Александр окончил Барнаульское музыкальное училище по классу ударных инструментов и в какой-то момент начал работать в театре. При каких обстоятельствах произошла ваша встреча?

Саша работал в Алтайском краевом театре кукол в должности бутафора-декоратора. Увидел я его впервые в кабинете директора, он пришел подавать заявление об увольнении. Антонина Ярова позвала меня. К слову, о директоре театра: Антонина Васильевна достойнейший человек, без нее наш эксперимент не удался бы. Я спросил Сашу о причинах ухода, и он сказал, что ему скучно. Это был вызов! В этот момент наши характеры схлестнулись. «Ну поставь спектакль как художник-постановщик», — ответил я вызовом на вызов. Саша был человеком отчаянным и смелым и ответил согласием. Первый наш совместный спектакль «Волк на дереве» по пьесе Сергея Козлова.

Александр Толмачёв, художник-постановщик. *В 1980 годы алтайские «Куклы», возглавляемые режиссером Евгением Гимельфарбом, входили в десятку лучших театров кукол страны и были известны не только в СССР, но и за рубежом*

С этого спектакля и началась Сашина карьера художника-постановщика. Жажда творчества у него была сильной, за первые два сезона работы в качестве художника-постановщика он оформил порядка шести спектаклей, в числе которых были и проходные работы, и значимые, например, «Гадкий утенок».

Создается впечатление, что профессиональный рост Толмачёва был весьма стремительным. Уже в 1980-м был выпущен ваш совместный спектакль «Двенадцать» по Александру Блоку, удививший всех необычностью сценического воплощения известной поэмы.

Да, раскрылось Сашино дарование именно в «Двенадцати» по Блоку. Декорации, кукол он делал сам, своими руками. Я видел, как он отдавал душу каждой сценической детали. Мы доверяли друг другу. Он иногда резко взглядом ловил мой взгляд— это был контроль, понимаю я его или нет, принимаю ли. Спектакль получился яркий, цельный, и актеры наполнили форму вдохновенно.

В том же 1980 году вышел не менее интересный по сценографическому решению спектакль «Двенадцать месяцев» по пьесе Самуила Маршака. Постановка была хорошо принята не только публикой, но и отмечена на серьезном международном фестивале.

В это время Роман Виндерман ставил у нас «Декамерон» по Боккаччо. Я пригласил его на постановку.

Сцена из спектакля ***«Двенадцать месяцев»***

Театральные программки. ***Художник — Александр Толмачёв***

Не вся трупа вошла в его спектакль, и чтобы не вошедшие не страдали, я задумал осуществить свой давний замысел, тем более, что Виндерман ставил спектакль со своим художником. Саша прочел пьесу Маршака и начал работать. Пьеса архаичная, и Саша начал честно рисовать что-то хорошо знакомое всем нам— детям советского воспитания. Я принял это как издевательство — не за этим я и мои друзья-актеры приехали в Сибирь. Я сказал Саше, что мне нужны не натуралистические декорации, а три палки и куклы из рук деревенского умельца. Думаю, что он не сразу понял меня, и начал делать все опять своими руками, как бы антихудожественно. Смотрел на меня с легкой ехидцей. А я говорил: «Супер! Отлично!» Так мы с ним оба прочувствовали фольклор, ставший основой пьесы. Этот спектакль мы показывали на X Международном фестивале театров кукол в Польше. Саша был счастлив, когда мы ходили по польской земле, спектакль был принят восторженно коллегами из многих европейских стран. Череда постановок, осуществленных в сотворчестве с Сашей, продолжилась такими спектаклями, как «Петушиная мельница» Мустая Карима, «Красные дьяволята» Павла Бляхина.

В начале восьмидесятых вами были созданы неожиданные, ошеломляющие постановки, переворачивающие представления о кукольном театре: «Точка зрения» Василия Шукшина, «Тиль Уленшпигель» Григория Горина (художник Сергей Столяров). Барнаульцы перестали воспринимать кукольный театр как детское воскресное развлечение. «Куклы» вполне серьезно разговаривали со взрослой аудиторией. В театральной революции принял участие и Толмачёв. В 1985 году он оформил спектакль «Шинель» Гоголя...

Гоголевский мистицизм был близок Саше. В его характере было что-то мистическое, оправданное его многогранным талантом. Саша был глубоким пессимистом, хотя жаждал успеха. В этом мы с ним уравновешивали друг друга— я жизнерадостный человек. Мне повезло с Сашей, а ему со мной. Вот пример, доказывающий мое убеждение. Мне понравился первый Сашин эскиз к «Шинели», он меня впечатлил, я ничего не сказал и ушел думать, придумывать спектакль. Прихожу к нему в кабинет через какое-то время и вижу: понравившийся мне эскиз разодран на четыре части и брошен в корзину для мусора. Я заорал на Сашу: «Что ты сделал?!» На мое отчаяние Саша широко улыбнулся и сказал с искренним удивлением: «Что, нравится?» Таков был Саша. Его съедало неверие в себя. Именно этот эскиз, восстановленный Сашей, сейчас находится в Барнауле в музее истории литературы, искусства и культуры Алтая. К огромному моему сожалению, нас разъединили обстоятельства. Мы задумывали постановку «Гамлета». Были уже первые эскизы...

Эскиз Александра Толмачёва к спектаклю ***«Шинель»*** *Н.В. Гоголя*

Барнаульские зрители до сих пор помнят ваши постановки, их глубинные смыслы, метафоры, зашифрованные знаки. Даже удивительно, как такое вообще могло быть в годы тотального партийного контроля над искусством. Как это объяснить?

Естественно, нас жестко контролировали. Такова была норма жизни: нам давали деньги на постановки и отслеживали нашу лояльность, а мы делали свое дело, держа фигу в кармане. Таков был принцип существования художников всего СССР. У нас не принимали спектакли с первого, второго, третьего раза. Мы делали вид, что переделываем, ничего не меняя, устраивали общественные просмотры бесплатно. В конце концов, они вынуждены были терпеть нас. Но на подготовленные гастроли в Москву нас не пустили, боялись проштрафиться перед центральными органами. А Ленинград нас принял, и это были весьма успешные гастроли.

Евгений Юзефович, как вы можете охарактеризовать Толмачёва-сценографа?

Искусство интересно только тогда, когда художник— личность. Саша был яркой личностью со своим мировоззрением, достаточно твердым характером, что крайне необходимо художнику небанальному. К сожалению, люди легче воспринимают знакомое им, а увидеть отраженное глазами художника сложно. У Саши был свой духовный мир, и все, что он делал, было отражением его яркой, самобытной индивидуальности.

* * *

В 1970–1980 годы мощный творческий импульс исходил от коллективов театров кукол Урала и Сибири. Благодаря творческой деятельности режиссеров Евгения Гимельфарба, Романа Виндермана (Свердловск), Валерия Вольховского (Челябинск), Виктора Шраймана (Магнитогорск), Михаила Хусида (Тюмень, Оренбург) зародился новый так называемый «третий жанр театрального искусства», когда куклы и актеры на равных играли на сцене, дополняя друг друга. Театры кукол брались за серьезную драматургию, осуществляя постановки по произведениям классиков русской литературы и современных писателей. Этот интереснейший в истории театра кукол период выпал и на долю сценографа Александра Толмачёва.

После отъезда Евгения Гимельфарба из Барнаула в 1987 году Александр Толмачёв работал в Алтайском краевом театре кукол еще всего пару лет, дальнейшее его сотрудничество с театром не сложилось. При смене художественного и административного руководства возникла конфликтная ситуация, вследствие которой Толмачёв ушел из «Кукол».

В последние годы работы в Алтайском краевом театре кукол он оформил спектакли «Опасная сказка» Ирины Демченко, «Голый король» Евгения Шварца, «Айболит против Бармалея» Корнея Чуковского (инсценировка Николая Кострюкова), «Солнышко и снежные человечки» Александра Веселова. Как режиссер и художник осуществил постановку спектакля «По щучьему велению» Елизаветы Тараховской. Толмачёв откликался и на предложения театров кукол других городов, оформил постановки Свердловского театра кукол «Петушиная мельница» (1985), Калининградского театра кукол («По щучьему велению» Тараховской, «Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина), Магаданского театра кукол («38 попугаев», 1989), Белгородского театра кукол («Слон» Александра Копкова, 1991).

Александр Леонидович успешно пробовал свои силы в постановках других барнаульских театров. В Алтайском краевом театре драмы он оформил спектакли «Кабала святош» Михаила Булгакова, «Поминальная молитва» Григория Горина, в ТЮЗе — «Шестеро персонажей в поисках автора» Луиджи Пиранделло и «Сказ о дивном гудочке» Бориса Шергина. В Томском театре драмы работал над сценическим пространством «Поминальной молитвы» Горина и «Дяди Вани» Чехова.

Неосуществленным остался замысел к спектаклю «Жив Петрушка», художник успел подготовить к постановке эскизы, которые, к счастью, сохранились.

Не находя творческой реализации в Барнауле, Александр Толмачёв решил уехать из родного города, он принял предложение Белгородского театра кукол. Трудный выбор был сделан, хотя сама мысль о том, что он вынужден покинуть место, с которым связано все в его жизни, была для художника слишком тяжела.

Только один человек, товарищ по работе в театре кукол Игорь Хайтман, пришел помочь Александру в погрузке вещей в день выезда из квартиры. Это было 10 октября 1991 года. Александр Толмачёв умер в подъезде своего дома на руках друга— инфаркт.

Ему было всего 43 года. Короткая и яркая жизнь во имя искусства. Александр Леонидович Толмачёв внес значительный вклад в театральную культуру Барнаула. Он ушел из жизни в год, когда страна переживала драматические события, связанные с развалом СССР. Тогда даже многие собратья по театральному цеху не смогли в полной мере оценить утрату, поскольку насущные проблемы собственного существования вышли для каждого на первый план. Усилиями друзей в 1991 году в выставочном зале Алтайского отделения Союза художников была организована выставка, посвященная памяти художника Александра Толмачёва. Первая и последняя.

На смерть товарища по театральному цеху откликнулся художник Сергей Столяров: «Ему было сорок три года, тринадцать из которых он проработал в театре кукол. На выставке, которую организовали его друзья, была собрана лишь малая толика того, что он сделал за эти годы. Многие его работы просто не сохранились. Не умеем мы хранить то, что есть сегодня, а после горько жалеем. Не однажды пылали костры во дворе театра, в огне которых сгорали куклы и декорации. Вернуть ушедшее невозможно. Но сохранить оставшееся мы просто обязаны. Александр Толмачёв не имел диплома художника, он был художником. Он держал ритм, этот парень, барабанные палочки которого однажды покрылись колонковой щетиной, и из мира звуков унеслись в мир изображений».

Работа на сердце

В Бийском драматическом театре состоялась премьера спектакля «Здравствуй, мама!» Постановка осуществлена в рамках федеральной программы поддержки театров малых городов

текст ***Лариса Вигандт***

В основе постановки лежит киносценарий Александра Володина к фильму «Дочки-матери» (1974). На фоне популярной сегодня в телесетке темы о потерянных или отданных в детский дом детях театральная история на бийской сцене кажется предсказуемой, на придирчивый взгляд — даже попсовой. Есть, однако, в сиротской теме особая притягательность: сюжет работает с душой, сердцем, и в этом залог того, что постановка увлечет зрителя.

Режиссер Марина Шелевер (Новосибирск) сделала работу внятно, чисто и крепко — чувствуется опытная рука. На обсуждении, которое состоялось сразу после общественного просмотра, отмечалось, что спектакль воспринимается легко, на одном дыхании. Членам экспертного совета понравилось, что режиссер дает актерам возможность проявить себя, что в спектакле получились прекрасные паузы, когда актер как бы живет во внутреннем монологе (их замечательно держит Инга Вороновская), что спектакль достоин включения в краевую программу «Эстетическое воспитание детей и молодежи средствами искусства». Рецензенты единодушно дали высокую оценку актерской работе Людмилы Евтушенко, сыгравшей главную героиню Ольгу, выпускницу детского дома, отправившуюся на поиски матери. Актриса сумела быть органичной в роли активной правильной, не имеющей навыка деликатности (откуда такие тонкости — в детдомовском коллективе учили прямоте и честности) комсомолки. Но вместе с тем эта девушка-ребенок (ей всего-то 16 лет) и беззащитна, и трогательна, и одинока. Больше всего ей хочется найти маму — не для того, чтобы спросить с нее, а для того, чтобы, может так статься, помочь ей, ведь у нее-то, у Ольги, и зарплата (70 рублей), и стипендия

Сцена из спектакля ***«Здравствуй, мама!».*** *В центре — Ольга (актриса* ***Людмила Евтушенко****).*
Слева направо: Воспитательница (актриса ***Наталия Казанцева****), Повариха (****Анастасия Осинцева****), Няня (****Надежда Калинина****).*
Фото предоставлено Бийским драматическим театром

(33 рубля) — обеспеченный человек по советским меркам. Кульминацией в ролевом рисунке, созданном Людмилой Евтушенко, на наш взгляд, стала лезгинка, исполненная шепотом; чтобы не разбудить взрослых, главная героиня мурлычет под нос музыкальные такты и неслышно приземляется из подскока на пол. Экспрессивные движения, доверчивая улыбка, душевная открытость — все это есть в танце и все это юношеская устремленность к счастью.

В Бийске очень чуткий зритель, он не пропускает ни одной актерской находки: реагирует на интонацию, на эмоциональный выплеск; он ни звука не роняет в паузах и не скупится на аплодисменты. Все актеры в спектакле были отмечены вниманием публики. А вышедшая в эпизодической роли Поварихи актриса Анастасия Осинцева заслужила бурную похвалу зала за то, что ей удалось передать характер простоватой толстушки в пластической сцене, которая длилась всего несколько секунд: ухватив огромный кухонный бак (его и двум мужикам не зазорно тащить), она вразвалочку отправилась за кулисы.

Спектакль оформила театральный художник Ольга Смагина, большой друг бийского театра из Новосибирска. Для ее профессионального почерка характерен смелый, легкий и, что важно, понятный раскрой сценического пространства. Художник-постановщик совмещает на подмостках огромные географические расстояния (действие в спектакле передвигается из Екатеринбурга в Москву), городской ландшафт и частный интерьерный мир. Экран, транслирующий картинки, подобен окну, в которое открываются дальние и близкие виды. Зритель узнает столицу по известным открыточным панорамам; заснеженной железнодорожной станцией будет представлен уральский город. Сценограф ловко преображает интерьер с помощью передвижных трехгранных ширм, каждая из сторон которых имеет свою фактуру — зеркальную, кафельную, мраморной плитки. Высокие конструкции, поворачиваясь к зрителю, по принципу кубика-рубика, разными гранями, создают стены московской квартиры, балетного зала или детдомовской кухни. Интересное сценическое решение находит Ольга Смагина для московского дома. Прозрачный занавес отодвинут в глубь сцены, обозначая таким образом границы комнаты и оконный проем; пространство за тюлем поочередно становится коридором, улицей или Казанским вокзалом. Многосоставная, с применением перспективы, композиция дает возможность монтировать действие в спектакле не поочередно, а параллельно. Зритель видит одновременно и семью Васильевых в уютной комнате — на ближнем плане, и подходящую к подъезду с гостинцами в руках Ольгу — на дальнем. Или другая мизансцена: главная героиня — Ольга — наблюдает в окно, как Елена Алексеевна (актриса Инга Вороновская) успокаивает мужа, Вадима Антоновича (актер Михаил Вороновский).

*Сцена из спектакля **«Здравствуй, мама!»**. Ольга — актриса **Людмила Евтушенко***

Марина Шелевер не стала переносить действие пьесы в наши дни, как говорят иные режиссеры — «для понятности». Постановочная группа воссоздает на сцене советский быт и, насыщая его историческими подробностями, явно подходит к делу неравнодушно. Видовые открытки на экране — черно-белые, в московской квартире — радиола, молодежь танцует под популярные эстрадные песни 1970-х, звучит голос Муслима Магомаева, на улице — советская реклама мороженого, конфеты — в кульке из упаковочной бумаги. С Новым годом граждан СССР поздравляет Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. На груди у Ольги — комсомольский значок. Не ошибемся, если скажем, что большая часть бийского зала не понаслышке знает советскую эпоху, и узнавание деталей-приветов из прошлого было радостным и интересным для зрителей старшего поколения, а для молодой публики — познавательным.

Спектакль «Здравствуй, мама!» получился непустым, красивым и зрительским. Не зря потрачены федеральные средства — постановка еще прибыль принесет. Кстати, при освоении денежного транша Бийский драматический проявил образцы рачительности. Театр приобрел новую установку для имитации снега, звуковую аппаратуру, светоаппаратуру, ковролин. Все новинки удачно опробованы в ходе спектакля и, конечно, подключены к созданию запоминающейся финальной сцены: крупные снежные хлопья густо кружат в столпе фонарного света, под фантастическим снегопадом кружится и главная героиня.

Кроме того, часть денег из федеральной субсидии припасена на новогоднюю волшебную сказку «Госпожа Метелица» по братьям Гримм.

Ольга Павловна Кравченко — актриса (кукловод), мастер сцены Алтайского государственного театра кукол «Сказка». Работает в театре с 1975 года. Список ролей долгий и сам за себя говорящий: Поросенок, Колдунья, Дятел, Кухарка, Фрейлина, Аистенок.
Все сорок лет работы с куклой — как один день!

Игра в куклы

текст ***Елена Кожевникова***

А как все началось?
Я с детства любила танцевать. Постоянно «репетировала» перед зеркалом и буквально замирала, когда по телевизору шла трансляция какого-нибудь балета. Родители не придавали этому особого значения. Но мне все-таки удалось уговорить маму записать меня в хореографическую студию при Доме культуры железнодорожников. Помните это старое деревянное здание?
Конечно. Там, в парке, была летняя танцплощадка под открытым небом. А теперь — мемориал участников и героев войны.
Да-да, памятное место. В балетную студию меня приняли, хотя я была на вид очень худенькой, слабенькой девочкой. И вот однажды мне посоветовали зайти в соседнюю комнату. Просто зайти и посмотреть, чем там ребята занимаются. И что вы думаете? Там, оказывается, дети играли с куклами. И как только я взяла в руки куклу и заговорила: «Я Петрушка, Петрушка, Петрушка...», мне стало сразу понятно, что это — мое.
А сколько же вам было лет?
Лет десять или одиннадцать. Главное, я нашла, что искала. И до тех пор, пока не снесли здание ДК железнодорожников,

я регулярно ходила на занятия. А потом, по окончании школы, встал вопрос о дальнейшей учебе. Я подала заявление на иняз, потому что у меня хорошо шел английский язык. Конкурс был очень большой. Я его не прошла. И нисколько не огорчилась, потому что душа моя стремилась в театр. Но родители ни за что не хотели отпускать меня учиться в другой город.

Ситуация выглядела безнадежной?

Только вначале. Очень скоро в газетах появились объявления о конкурсном приеме молодых людей в театр кукол.

Он располагался тогда в жилом доме на улице Профинтерна?

Да-да. Там режиссер Анатолий Свириденко и директор Антонина Ярова очень строго отбирали абитуриентов. Народу-то было много и надо было пройти три тура. Мы пели, танцевали, делали актерские этюды. В итоге взяли трех девочек на роль Снегурочек в новогодних представлениях у елки. Среди них была и я.

Но это же прямой контакт с детьми, их там целая толпа! Без привычки — это очень трудно.

Но не для меня! Я ведь в школе постоянно участвовала в концертах, смотрах. Даже во Дворце спорта выступала. Голос у меня был поставленный, звучал хорошо. Моя мама работала в детском саду и я часто играла там с ребятишками, читала им сказки. Поэтому роль Снегурочки далась мне без особого труда. Легко! В итоге из трех девочек в театре осталась я одна. Вот так я оказалась там, где мне очень хотелось быть. Первый мой спектакль назывался «Медвежонок Рим-Тим-Ти». Эту забавную историю поставил режиссер Дмитрий Вихрецкий, я играла там Собачку.

И она что, лаяла?

Да, я научилась лаять... (смеется). А потом я играла Аистенка в спектакле «Аистенок и пугало».

И научилась крыльями хлопать?

Конечно. И в том, и в другом спектакле куклы были тростевые. Нас сразу стали обучать работе с куклой. Они же все по конструкции разные: планшетные, тростевые, перчаточные, тантамарески. Но моей любимицей так и остается тростевая кукла.

Тростевая? Да она же тяжелая! Поработаешь с ней на вытянутых руках год-другой и от хондроза потом не избавишься.

Не надо на это обращать внимания. Главное, что возможности тростевой куклы безграничны. Она настолько может быть живой, что диву даешься. А как она умеет разговаривать с детьми?! И дети ей отвечают. Они уверены, что кукла настоящая, и что у нее есть ножки. Они и за ширму заглядывают, чтоб удостовериться в этом. Я очень люблю общаться с детьми через куклу. Берешь ее в руки и она сразу оживает. Я думаю, что это откликается ее магическая природа. Ведь в стародавние времена людей, находящихся далеко, лечили заговором через куклу. И, знаете, получалось.

Мне вспомнилась книга Дины Рубиной «Синдром Петрушки». А тебе когда-нибудь приходилось с куклой танцевать?

Да! У нас был спектакль, посвященный 30-летию Победы, «Колокола-Лебеди». Там были огромные деревянные куклы. И мы с ними танцевали. Необыкновенное ощущение. А потом, когда приехал режиссер Евгений Гимельфарб со своими актерами, мне еще больше повезло. Он взял меня в свою команду. Главных ролей у меня не было, но работа с мастером такого высокого уровня приоткрыла мне тайны профессии. Мне было куда тянуться.

Да и нам, зрителям, вместе с вами! Спектакли-то оказались незабываемыми: и «Точка зрения» Шукшина, и «Двенадцать» Блока, и «Шинель» Гоголя, и «Тиль» Горина открыли нам другой, совершенно незнакомый мир сценического искусства. Да к тому же вы побывали на X международном фестивале театра кукол в Польше!

Это было что-то невероятное. Мы показывали спектакль по сказке Маршака «Двенадцать месяцев» в режиссуре Евгения Гимельфарба и в сценографии Александра Толмачёва. Какой это был фантастически красивый спектакль! И какое к нам было искренне дружелюбное отношение со стороны участников фестиваля! У Гимельфарба я была занята во всех вечерних спектаклях. Они были моими университетами. Помню, когда начались репетиции спектакля по поэме Александра Блока «Двенадцать», выяснилось, что я нахожусь в интересном положении. Я, конечно, скрывала этот факт, чтобы не пропускать репетиций. А спектакль был задуман в живом, открытом плане. Репетируя свою роль, на восьмом месяце беременности, я запрыгивала на стол и спрыгивала вниз, что было, конечно, рискованно. И когда Гимельфарб просек все мои хитрости, то сразу отправил меня, куда положено. Но я все-таки успела, после декретного отпуска, поиграть в этом потрясающем спектакле. Я его очень сильно любила.

Да, мы все его любили! Ваш театр всегда был неожиданным, современным и независимым. И никогда — пустым и глупым. Не случайно в октябре 1982 года театру было присвоено почетное звание лауреата Ленинского комсомола Алтая.

Конечно. Мы ведь еще очень много гастролировали: Москва, Норильск, Абакан, Томск, Новосибирск, Иркутск, Красноярск, Улан-Удэ. Столько было работы! Приходилось и детей брать с собой на гастроли. Хорошо, что мне мама помогала. У меня же и сын, и дочка еще учились на скрипке играть в музыкальной школе. Не знаю, как меня на все хватало.

Они тоже выбрали творческую профессию?

Да, но не актерскую. Дочь окончила консерваторию в Новосибирске. Играет на скрипке в оркестре Новосибирского академического театра оперы и балета. Сын — проектировщик витражей и мастер отделочных работ. А сыну моего сына два с половиной года, и он уже был на спектакле «Денискины рассказы».

И как?

Весь спектакль смотрел не отрываясь. А теперь ходит по дому и поет: «Папа у Васи силен в математике».

Как же быстро все произошло! И такие перемены в театре!

Да. Наша профессиональная память обладает уникальным багажом. Ведь мы работали с такими выдающимися режиссерами, как Роман Виндерман, Валерий Вольховский, Людвиг Устинов. Такое не проходит без следа. Помните спектакль «Белоснежка и семь гномов»? Какие потрясающие куклы были изготовлены художницей Леной Луценко! А спектакль «Мертвые уши» с Дильбарой Скомороховой в главной роли?! Для меня работать с ней в одном спектакле — просто счастье. Вот у кого надо учиться профессиональному мастерству.

А как вы относитесь к тому, что происходит в театре сейчас?

Мне все нравится. Одна только поездка со «Спящей красавицей» в Омск на V Международный фестиваль театров кукол чего стоит. Я рада, что у нас появились новые спектакли: «Волшебник Изумрудного города», «Черная курица», «Денискины рассказы». Они совершенно разные по теме, интонации, образному решению и работе с куклой. Но во всем этом жанровом многообразии мне видится связь между нашими прошлыми достижениями и сегодняшними творческими поисками. Так, наверное, и складывается Судьба театра.

Друг из Каменска-Уральского

Ирина Гришина

Быль

Он вошел вечером 11 сентября 1966 года без стука, как будто ходил к нам каждый день. Поздоровался и попросил дать какую-нибудь интересную книгу или журнал. Я видела мальчишку первый раз в жизни и поэтому спросила имя и где живет. Он ответил, что зовут его Вовка и что он приехал из городка Каменска-Уральского к тете Зине Тивоненко жить и учиться в седьмом классе.

Ноги нового соседа были согнуты в коленках, ботинки искорежены, руки подрагивали. От жалости к мальчишке у меня забилось сердце и я чуть не заплакала. Потом подошла к этажерке, взяла подшивку «Вокруг света» и подала Вовке. Он улыбнулся, хотя глаза так и остались грустными, сказал спасибо, засунул журналы за ремень и пообещал вернуть завтра. Когда он вышел, я кинулась к окошку и долго смотрела, как он, держа в руках костыли, ловко двигался по дорожке.

Утром я рассказала маме о мальчишке. Она добавила, что его мама умерла, папы нет, и поэтому он приехал в Мамонтово. Будет учиться со мной в одном классе, и она будет заниматься с ним математикой и физикой, и эти занятия будут проходить у нас дома. (Мама преподавала физику и математику в вечерней школе.) Остальные уроки будут вести учителя нашего класса дома у Вовки. А на мероприятия его будут возить на школьной машине.

***

Я стала готовиться к приходу Вовки. Поставила на комод коробочку из-под папирос «Казбек», в которой хранились марки и этикетки, баночку со значками, копилку с новыми монетками и стала ждать. Вовка пришел в семь часов вечера. Мама сразу же провела его в зал и стала расспрашивать про бывшую школу и учителей, какие предметы любит, чем увлекается. Они решали какие-то сложные задачи, мама хвалила его, ставила мне в пример, потом начали разговаривать о Ньютоне и его законах. А в конце урока мама включила проигрыватель на 78 оборотов, уложила на пластинку мелкие предметы на разном расстоянии от центра диска, и мы смотрели, какие из них слетают, а какие нет. Мы наперебой строили догадки, мама их опровергала, а потом мы пили чай с пирогом, испеченным тетей Зиной.

***

К моей коллекции Вовка добавил пачку марок с Юрием Гагариным, несколько монет, выпущенных до 1961 года, и набор красивых камней с Урала, приклеенных на картон.

После школы я бежала к своему другу. Мы читали книжки, составляли ребусы, играли в шахматы, шашки, «чапая» и потихоньку мастерили костюмы к Новому году. Тетя Зина радовалась нашей дружбе, а близнецы Ливановы дразнили нас: «Сладкая парочка — гусь да гагарочка». Я несколько раз подралась и они угомонились. Вечерами к Вовке приходили учителя. После занятий выходили взволнованными и восхищенными его жизнелюбием и знаниями. Одноклассники тоже не забывали Вовку. Помогали кто как мог: носили воду, дрова, растапливали печь, мыли посуду. (Тетя Зина работала посменно нянечкой в больнице и часто вечерами ее не было дома.)

Дни летели быстро. 30 декабря 1966 года, держась за руки, к елке подошли Принц и Русалочка. Вовка первый раз был на таком многолюдном вечере и поэтому волновался. Я взяла его за руку и он немного успокоился. Неожиданно из-под елки выскочили два зайца и закричали: «Тили-тили тесто, жених и невеста!» Мы поняли, что это близнецы Ливановы, и даже не обиделись. К лету они остепенились и стали нашими лучшими товарищами. Возили Вовку на рыбалку, учили кататься на велосипеде, помогали колоть дрова.

***

Прошло несколько лет. Мы не стали женихом и невестой, потому что в 1969 году, 20 декабря, Вовка умер от дифтерии. Оказалось, в детстве ему не поставили нужную прививку. В свои семнадцать лет Володя понимал в жизни больше, чем мы, его сверстники. Знал много стихов, на олимпиадах почти всегда был лучшим. Занимался с двоечниками-хулиганами, на которых все махнули рукой, собирал

Иллюстрация ***Александра Карпова***

крошечные радиоприемники, рисовал простым карандашом фантастические картины о планетах солнечной системы, инопланетянах, прилетевших на кораблях-гигантах...

Хоронили Володю 25 декабря. День был морозный, но проводить его пришла почти вся школа. Жизнь и смерть мальчишки с Урала повлияли на судьбу многих людей: братья Лиановы стали детскими хирургами, кое-кто из бывших двоечников окончил школу без троек. Я поступила в университет, о котором мечтал Вовка. Вышла замуж за однокурсника, которого не случайно зовут Володя. У меня дома много камней, подобранных на дороге. Никто не верит, что такая «красота» лежит под ногами...

***

Много лет спустя у соседей родился малыш с диагнозом ДЦП. Это была трагедия. Я рассказала им о жизни своего лучшего друга Володи.

Алёшка растет отличным парнем. У него много друзей. Родители его любят и гордятся его успехами в школе. Врачи сделали несколько операций. Он почти не хромает. Когда я встречаю его, мне кажется, что это Вовка вернулся из прошлого.

Идут годы. Летом я прихожу к могиле друга и приношу несколько красивых камней. Долго сижу на скамеечке, а когда кто-нибудь подходит и спрашивает: «Кто такой Владимир Борисович Тивоненко?», я отвечаю: «Мальчик из моего детства, подаривший мне жизнь». И если просят, рассказываю о том, как я неудачно спряталась в заброшенном колодце, и что именно Вовка нашел меня и вытащил чуть живую, потерявшую голос и надежду на спасение.

Тальниковый мой край

Фото ***Олега Дитятева***

Владимир Михайлович Коржов родился 26 декабря 1947 года. Учился на историко-филологическом факультете Алтайского госуниверситета. С 1972 работал в краевом совете ОСВОДа водолазом, преподавателем, завучем, директором школы ОСВОДа, заместителем председателя по учебно-профилактической работе.
Автор четырех поэтических книг: «Фарватер» (2001), «Белый бакен» (2002), «Листая лоцманскую карту» (2006), «Ледостав» (2008), и пяти книг прозы: «Повествование о городских окраинах» (2004), «Городские окраины» (2007), «Записки спасателя» (2008), «Покорители вершин» (2010), «А память священна...» (2013, 2017).
Лауреат пяти краевых литературных премий и двух специальных. В 2011 году стал победителем Открытого литературного конкурса имени В.Б. Свинцова в номинации «Детство» с книгой «Записки спасателя». Член Союза писателей России. Живет в Барнауле

ЛОЦМАНСКАЯ КАРТА

Заломный яр. Заломная протока.
Обской простор с высот необозрим.
Гуляет щука по густым осокам,
Жирует в ямах царственный налим.

Я обретаю силу у Заломной,
Душистая черёмуха цветёт.
Иду с поклоном к горушке Поклонной —
Землепроходцам слава и почёт!..

Не канет слово с карты в неизвестность.
Стихи мои меня переживут...
Россия. Обь.
Родная местность.
Благословен первопроходцев путь!..

***

Пенный шлейф омывает огрудок*
На подходе июнь. Коренная вода.
Я на вахте стою трое суток,
Укачала волна и меня, и суда...

Нас мотает усталость налево-направо,
На ветру приумолкла речная братва,
И уводит размытая переправа
На обские обветренные острова...

Ухожу в небеса, в тишину половодья,
Где озёра в лугах, а берёзы в серьгах...
Тальниковый мой край, моя малая родина,
Обрету ли покой на твоих берегах?..

***

Телецкий сиг скользит на глубине.
Склонившись за борт, вглядываюсь в воду.
Трещат кедровки в гулкой тишине,
Ничто не предвещает непогоду.

До Чулышмана, ой, как далеко!
Пусть мой мотор надёжный отдыхает.
Туман, как леший, движется легко
В крутом распадке космы распускает...

Проходит «Бриз», и капитан Смирнов
Кричит: «Ну, что у вас за неполадки?»
Володе отвечаю: «Всё в порядке!»
Я дальше по волнам идти готов.

---

* Огрудок — небольшое обособленное скопление камней вдоль берега.

Мы встретимся на пляже Карагая,
Где чаек непоседливая стая
Гоняет косяки на мелководье –
Здесь раньше простиралось Беловодье.

***

Вновь опустела
речная долина...
Николай Черкасов

Мелеет Обь — меняет русло,
Растут песок и острова,
И там, где раньше было пусто,
Тальник разросся и трава.

Река великая болеет,
Стареет на моих глазах,
И ежевичник голубеет
На крутобоких берегах.

Протока Талая, бывало,
Улов и отдых нам давала,
А нынче ряска –
да кубышки,
Не окуни, а окунишки.

Кого винить?
И в том ли дело,
Что реки детства обмелели...
Ведь с возрастом и мы порой
Стремимся обрести покой,

Обходим драки стороною
Быка не валим за рога,
И пред собой, и за спиною
Мы ощущаем берега.

***

Снова мучит меня бессонница,
Звёзды светятся вдалеке.
Месяц мой одинокий клонится,
Отражаясь в ночной реке.

Не слышны гудки теплоходов,
Гаснут в пойме рыбачьи костры,
И предвестники непогоды,
Всё гудят и гудят комары.

Я на острове гость нечастый.
Остров детства, меня прости!
Бакен красный, как кот глазастый,
Указал мне — куда грести.

Если вправо, там есть протока,
Тиховоды и тишина...
Не хочу я на мель до срока,
Выйду влево, где глубина!

***

За рекою спокойно и тихо
У костра сентябрёвой порой.
В ранний час, когда облепиха
Прихорашивается росой.

Всё светлей и светлей водица.
Можно камни на дне разглядеть,
Между ними плотва серебрится...
С тополей осыпается медь.

Совмещаются небо и воды,
Открывается сущности стать.
Эти знаки осенней погоды
Мы не можем никак разгадать.

***

Жене Людмиле

Бельмесёвская протока,
Бельмесёвские луга.
Солнце движется с востока
На духмяные стога.

Август тих, и август светел...
Я люблю твои глаза.
Хлынет ливень, дунет ветер,
Прогремит вдали гроза...

Переходит лето в осень —
Предпоследние деньки...

Милая, давай попросим
Счастья у родной реки!..

***

Евгению Гущину

Столько было клубники
на соградах весёлых —
Шевелись, не зевай,
в кузова насыпай!
За горами стояли
алтайские сёла:
Усть-Сима, Суузга, Таинча, Карагай...
Собирает клубнику
на склонах ленивый,
Собирает клубнику
там даже слепой.
Три лошадки мохнатых
за солнцем поплыли
К Манжероку зелёному
на водопой...
На Катуни гривастые
волны шумели.
Холодила усталое тело вода.
И по Чуйскому тракту
машины летели,
Мне казалось,
летели они в никуда —
Сквозь пространство
и время,
Где юность промчалась
И где памяти тает
золотое кольцо...
Без конца, как известно,
не бывает начала —
Тихой вечности ветер
мне дышит в лицо.

В АПРЕЛЕ

Другу детства
Вячеславу Данкову

Разбушевалась Барнаулка,
Бурлит, как в прошлые года,
И мимо тихого проулка
Рокочет мутная вода.

Забор, где в детстве мы играли,
Надвинув кепочки на лбы,
Перекосился — и упали
На землю старые столбы.

Наш дом, как сторож дядя Ваня, —
Больной, усталый и седой, —
Согнувшись, папиросу тянет,
Дымок пуская над трубой...

Ночами звёзды хороводят,
Меж редких туч плывёт луна,
И кажется, что детство ходит
У молчаливого окна.

***

...На погост речные
хлынут волны...
Николай Рубцов

Весенние стремительные силы.
Вода, шутя, коробила мосты...
С Булыгинского вереницей плыли
Гробы, оградки, скорбные кресты...
Окрестная шпана дрова ловила,
Оттачивала хваткие багры
С зазубринами — поострее шила.
Я с нетерпеньем ожидал поры,
Когда метну отточенное жало
И выведу к заплотине бревно.
Как нерв, верёвка от багра дрожала,
Бревно тянуло на речное дно...
Давным-давно утихла Барнаулка.
Медведицами волны не ревут.
Ночами снится — мимо переулка
Друзья мои живые вдаль плывут...

***

Олений остров не забыть —
Черёмуха цвела!..
Хотел от берега отплыть —
Не поднимал весла.

Кругом струилась синева,
В заливе тишь и гладь.
И я не мог найти слова,
Чтоб чувства передать.

Я потревожить не хотел
Божественный покой.
И только ветер шелестел
Над утренней рекой.

За чаем с Дворцовым

текст ***Владимир Коржов***

Далекий 1963 год. Седьмой класс. Классный руководитель предложила мальчикам и девочкам нашего класса обменяться подарками. И однокашница Нина Сафонова подарила мне книгу Николая Дворцова «Море бьется о скалы». Книгу я прочитал не сразу, да и читал медленно: может, кому-то покажется странным, но книги о Великой Отечественной войне я, в отличие от многих мальчишек, не жаловал. Наверное, потому что мой отец вернулся с той страшной войны без ноги, ходил на костылях и не любил ни вспоминать, ни рассказывать о суровых военных буднях.

Книга Николая Дворцова поразила меня жестокой правдой о пребывании советских людей в фашистском плену в далекой Норвегии, где они, находясь в нечеловеческих условиях, проявляли мужество, стойкость и продолжали бороться с врагом. Я долгое время пребывал под впечатлением от ее прочтения. Мой отец сказал, что это достойная книга правдивого человека.

С Николаем Григорьевичем Дворцовым я познакомился в 1965 году, когда он по приглашению руководителя литобъединения при газете «Алтайская правда» Марка Иосифовича Юдалевича провел одно занятие с нами, начинающими литераторами. Он рассказал о своем творчестве и ответил на наши вопросы, а мы прочли стихи и короткие рассказы. Подобную встречу спустя год организовал Геннадий Панов в редакции газеты «Молодежь Алтая». Меня удивило, что, несмотря на большую разницу в возрасте, Николай Григорьевич, внешне неулыбчивый и неразговорчивый человек, держался с нами на равных. Он советовал, но не поучал.

В те годы Алтайская краевая организация Союза писателей СССР находилась на втором этаже старинного здания, на проспекте Ленина, 8, между улицами Ползунова и Пушкина. Я жил неподалеку на улице Приречной, плавно переходящей в Ленинский проспект. Иной раз, проходя мимо, заглядывал к писателям на огонек и посещал литературные мероприятия.

С дочерью Татьяной на первомайской демонстрации. Фото из архива семьи Дворцовых

Помню, в июле 1969 года, в хмурый пасмурный день, едва я ступил на асфальт Ленинского, как небо над городом накрыла гигантской улиткой тяжелая лиловая туча, сопровождаемая зигзагами молний и раскатами грома. Подул шквалистый ветер, хлынул ливень. Спасаясь от дождя, я забежал в краевую писательскую организацию в надежде, что вдруг встречу или Геннадия Панова, или Владимира Казакова, пережду непогоду да прочту им стихи, написанные недавно. Но кабинет, где находилась редакция альманаха «Алтай», был закрыт, а соседний, занимаемый ответственным секретарем писательской организации, им в то время был Николай Григорьевич Дворцов, — открыт. Известный писатель услышал шум и выглянул в коридор. Он едва сдерживал улыбку на лице, глядя на меня, промокшего и растерянного. Николай Григорьевич пригласил нежданного посетителя в кабинет.

– Старина, извини, я тебя знаю, но, чтобы не спутать с кем-либо, напомни, как тебя звать-величать?

Я ответил на вопрос Дворцова. Он усадил меня на стул и сказал, что сейчас мы будем пить чай. Алюминиевый чайник с кипятком стоял на электрической плитке, и над его крышкой с клювообразным носиком поднимались белесые струйки пара.

– Николай Григорьевич, право неудобно, я заскочил на минутку, думал, что застану кого-нибудь из руководителей литобъединения.

– Володя, лето на дворе, разве кого застанешь! — ответил он, доставая из стола сверток. — Потому я не принимаю никаких возражений, считай, ты попал к новому руководителю литобъединения. Тебе не отвертеться и не ускользнуть от бывалого человека, а от домашних пирожков да чая грех отказываться.

И за чашкой чая потекла беседа. Дворцов спросил, где я живу, кто мои родители. Николай Григорьевич сумел подобрать ко мне ключик, и я, в общем-то, скрытный юноша, рассказал ему, что отец погиб в сентябре 1964 года на работе, повесившись на костылях, что он участник Великой Отечественной войны и в 1942 году попал в фашистский плен. Во вражеском лагере, стоявшем в поле недалеко от села, он находился несколько месяцев. Затем ему с группой друзей удалось совершить побег, но уже у нашей линии фронта отец подорвался на мине. Его контузило, тяжело ранило и в госпитале ему выше колена ампутировали ногу. После войны отец скрыл от органов пребывание в немецком плену, но сексоты донесли на него в КГБ. Летом 1947 года, когда мама была беременна мной, отца арестовали, и пока шла проверка, две недели держали в подвалах учреждения и три месяца в СИЗО на улице Канатной. Прерывая нить рассказа, загляну в будущее и скажу, что много позже, в 2002–2003 году, я работал над книгой «Повествование о городских окраинах» и написал стихотворение о смерти отца.

Николай Дворцов. *Фото из архива семьи Дворцовых*

Мой отец, тебя доконала
Водка злая, война, серость дней...
Смерть усталое тело качала
На кресте из двух костылей.
На веревке...
Сквозняк.
Магазин.
И записка:
«Прости меня, сын!»

А тогда Николай Григорьевич слушал молча, его крупное лицо мрачнело, оно каменело на глазах, и на нем резче проступали морщины.

– Да! Мне это все знакомо до боли. Многое из того, что ты рассказал, пришлось пережить. Застенки КГБ находились рядом, на улице Ползунова, сейчас там здание мединститута, — вымолвил автор книги «Море бьется о скалы».

А я подумал, что пусть на дворе и стояла хрущевская оттепель, но от писателя требовалась недюжинная смелость, чтобы написать столь значимый роман на тему, более десяти лет пребывавшую под запретом.

Николай Григорьевич поинтересовался, где я работаю. Затем я прочитал ему несколько стихотворений. Суровость исчезла. Улыбка озарила его лицо. За окнами стих шум. Дождь перестал. Я поблагодарил Николая Григорьевича за чай, похвалил вкусные пирожки, и такая доброта, домашность исходила во время прощания от его крепкой фигуры, подобревшего лица и сочувственного взгляда, что не хотелось покидать уютный кабинет.

Николай Григорьевич Дворцов (1917–1985) прибыл на Алтай после войны, в 1947 году. А родился на Саратовщине, в селе Курилово. Учился в школе колхозной молодежи, летом работал табельщиком в полевой бригаде. В 1940 году он окончил Саратовский учительский институт, преподавал в средней школе русский язык и литературу. В Барнауле Дворцов работал в книжном издательстве, на краевом радио, в молодежной газете. Он несколько лет редактировал альманах «Алтай», четыре года был ответственным секретарем Алтайской писательской организации. Избирался членом правления Союза писателей РСФСР.

Николай Григорьевич Дворцов — автор 14 книг прозы. Его роман «Дороги в горах» выдержал пять изданий, в том числе в Москве и Новосибирске, а роман «Море бьется о скалы» четыре раза увидел свет в Алтайском книжном издательстве.

Николай Дворцов награжден орденом «Знак Почета», удостоен звания «Заслуженный работник культуры России» (1984).

Прошли годы. И в наши дни меня гложет чувство вины, что я слабо настаивал, убеждая Владимира Борисовича Свинцова, инициатора и редактора популярной книжной серии «Городская библиотека», а затем и Галину Дмитриевну Колесникову, продолжателя этого проекта, переиздать роман Николая Дворцова «Море бьется о скалы». Тем более — это произведение стояло в плане книжной серии.

Крайне несправедливо и нечеловечно, но с пришествием капитализма книги известного писателя, участника Великой Отечественной войны, стоявшего у истоков создания альманаха «Алтай» и образования краевой писательской организации, не переиздавались. В 2017-м исполняется 100 лет со дня рождения писателя. Не пора ли преодолеть забвение?!

Наталья Акимова. *Портрет Екатерины Мергасовой. 2017. Бумага, пастель*

Екатерина Мергасова

***
День ото дня солнце тихо садится в ладони,
Тень от меня то короче, то снова длинней.
Городу воздуха б, он потихонечку тонет
В вялом потоке совсем одинаковых дней.

Дышишь устало, дружок? Хочешь жить — значит, дальше по схеме:
Пей в подворотнях вино, лопай вишни в саду Гесперид,
Пой марсельезу под ливнем, с ногами скачи по постелям
Или полночи бумагу марай о графит.

Не помогает? Тогда разряди батарею,
Мебель раздай, спрятав ценности в старенький стул.
Сев на рюкзак, допивай свой пуэр поскорее —
Там, далеко, белый кролик в горах промелькнул.

***
Скоро ноябрь. Снег на листьях не тает.
Мерзнут носы. Что ж, вздыхай не вздыхай,
Не холоднее, чем бедному Каю
С холодом в сердце. Последний трамвай.
Кай, прислонившись к окну, засыпает.

Он видит сон. А во снах всё иначе.
Светом весь город залит. Через край
Льются лучи на цветущие дачи,
Мимо которых проехал трамвай.
Люди добрее, и взгляда не прячут.

Время торопится. За поворотом
Будет депо. «Выходи, не зевай!» —
Герда (она возвращалась с работы)
Кая трясет. Опустевший трамвай
В зябкий ноябрь повернул неохотно...

***
Мне дарят слона. Это странно.
Но — что удивительно! — факт.
И вот он, мой слон, — безымянный,
Всамделишный и постоянный,
Не то что дымок от кальяна,
Не то что жужжанье в ушах.

Мы оба — ещё бы! — в смущеньи,
И я, и загадочный слон,
Но вот, поборов удивленье,
Шепчу что-то про помещенье,
Где места немного, прощенья
Прошу, приглашаю за стол.

«Мате или ройбуш?» — кивает,
Застенчиво взяв пастилу,
И в чашку печенье макает,
И хоботом чайник включает,
Кипит... Просыпаюсь. Бывает
Нехватка слонов наяву.

***
Я бегу по расшатанным доскам,
Вокруг — звон монет,
И коленки в зелёнке, и тисовый лук за спиной,
Я леплю человечков из воска —
Опять света нет,
И сурок с той забытой пластинки — со мной.

Если влезть целиком в одеяло —
Другая страна,
И, конечно, картошку вкуснее — с золой.
Эй, злодей, поднимай-ка забрало!
Ведь я не одна —
Здесь сурок с той забытой пластинки со мной.

Ковыряешь царапину — больно,
Иначе — никак,
Потерял, позабыл, проиграл — так не ной.
Ветер хлопнул дверьми недовольно,
В квартире бардак,
Лишь сурок с позабытой пластинки — со мной.

Екатерина Мергасова *родилась в Барнауле, окончила АГМУ, работает врачом. Победитель поэтического конкурса «Говори» (Барнаул). Увлекается горным туризмом и фотографией. Живет в Барнауле*

Павел Кузнецов. В степи. *1912. Холст, масло. 91x98.*
Картина входит в цикл работ «Киргизская сюита».
Собственность ГХМАК.

Поступление.
Приобретено в 1969 у С.К. Пхакадзе, Москва

КУЗНЕЦОВ Павел Варфоломеевич

5(17) ноября 1878, Саратов — 21 февраля 1968, Москва.

Живописец, график, художник театра. Пейзажист, портретист, жанрист, автор натюрмортов, декоративных панно. Педагог.

Сын живописных и иконописных дел мастера В.Ф. Кузнецова, брата живописца М.В. Кузнецова. Учился в рисовальной школе при Саратовском обществе любителей изобразительного искусства (1891–1896) у В.В. Коновалова и Г.П. Сальвини–Баракки, в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (1897–1904) у А.Е. Архипова, Н.А. Касаткина, Л.О. Пастернака, В.А. Серова и К.А. Коровина. В 1904 получил звание неклассного художника. Посещал частные художественные студии в Париже (1906). Организовал содружество «Голубая роза» (1907). Путешествовал по Волге, совершил поездку на Север, неоднократно бывал в Крыму, Средней Азии, Прибалтике, на Кавказе. В 1908–1912 совершил поездки в киргизские степи. Преподавал в Государственных свободных художественных мастерских (1918–1930).
Член объединений: «Мир искусства» (с 1910), «Свободная эстетика» (1907–1917), «Осенний салон» (с 1906), «4 искусства» (с 1925).
Заслуженный деятель искусств РСФСР (1929).

Государственный художественный музей Алтайского края и журнал «Культура Алтайского края» в 2017 году знакомят читателей с лучшими произведениями русского искусства XIX — XX веков из собрания музея.

Хотите знать о картине больше?

1. С телефона на платформе ANDROID или IOS зайдите в GOOGLE PLAY.

2. Выберите и установите программу SMART MUSEUM.

3. Запустите программу, наведите телефон на код.

4. Получайте информацию в виде фото, текстов, аудио- и видеофайлов.